

Али Шер-Хан
Инсбрукская волчица

Книга первая

Али Шер-Хан

**Инсбрукская волчица.
Книга первая**

«Издательские решения»

Шер-Хан А.

Инсбрукская волчица. Книга первая / А. Шер-Хан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859469-4

Отбывая каторгу, Ники знакомится с некой Анной Зигель, избежавшей смертной казни лишь благодаря несовершеннолетию. Проникнувшись доверием, Анна рассказывает сокамернице все подробности своей жизни, а также о мотивах своих чудовищных преступлений, потрясших весь Инсбрук.

ISBN 978-5-44-859469-4

© Шер-Хан А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Философия убийцы	6
Глава 2. Аукцион	14
Глава 3. Клиент созрел	18
Глава 4. Письмо	24
Глава 5. Неожиданный союзник	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Инсбрукская волчица

Книга первая

Али Шер-Хан

Иллюстратор Елизавета Монастырёва

© Али Шер-Хан, 2019

© Елизавета Монастырёва, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-9469-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Философия убийцы

Наконец допотопная черная карета с узкими решетками вместо окон остановилась. Снаружи послышалась возня, дверца распахнулась, в глаза ударил солнечный свет, и я невольно зажмурилась. Последовала команда выходить, я поднялась с жесткой деревянной скамьи, спрыгнула на булыжную мостовую и огляделась.

Тюремный двор окружала высокая кирпичная стена, по верху которой тянулась скрученная спиралью колючая проволока. По углам стены торчали четыре дозорные вышки, в которых стояли часовые с винтовками; с высоты они имели возможность видеть все передвижения по территории тюремного замка, и вряд ли на ней найдется укромный уголок, который бы они не контролировали. Должно быть, сверху все как на ладони: и главный корпус – мрачное четырехэтажное здание с толстенными стенами, глубокие окна которого больше напоминали бойницы; и приземистые бараки, по-видимому, предназначенные для тех заключенных, которым не хватило места в главном здании.

Обводя глазами двор, я остановила свой взгляд на тяжелых глухих воротах, их как раз в это время закрывал стражник в серой форме. Скрип ворот занозой вонзился в сердце: я в тюрьме, надолго, очень надолго.

Только после того, как ворота были заперты, конвоир приказал мне протянуть руки, чтобы снять наручники. Наконец-то! Когда их надевали, я пыталась возражать, но пока один охранник защелкивал на мне браслеты, другой вскинул ружье с таким серьезным видом, будто сейчас пристрелит, и мне пришлось заткнуться. Избавившись от тяжести стальных оков, я с облегчением потрясла руками и стала потирать покрасневшие запястья.

Затем те же конвойные проводили меня в главное здание. Я шла, будто во сне, и не слишком хорошо соображала, пока оформляли какие-то бумаги, потом выдавали мне тюремную одежду, вели до камеры...

Шагая перед охранником по мрачным коридорам, я старалась смотреть только в пол, избегая встречаться взглядом с заключенными, которые с любопытством пялились на меня из окошек своих камер.

Я подняла глаза лишь после того, как за мной захлопнулась тяжелая обитая железом дверь.

Камера показалась мне довольно просторной, может оттого, что в ней никого не было. По углам высились трёхъярусные нары, посередине стоял небольшой стол, вокруг него простые деревянные скамьи. Напротив двери, под высоким, забранным решёткой окном невозмутимо копошилась здоровенная серая крыса. По выкрашенным мерзкой темно-зеленой краской стенам шустро сновали рыжие тараканы, размером с ноготь, не меньше.

«Прямо как дома», – невесело усмехнулась я.

Я подошла к нарам слева и только собралась расположиться, как из противоположного угла послышалось хрипение и кашель. От неожиданности я вздрогнула и оглянулась. Оказалось, что в камере я не одна, просто моя подруга по несчастью лежала на своих нарах так тихо, что поначалу я ее и не заметила. Перевернувшись на спину, женщина негромко выругалась по-немецки, а затем, уже по-венгерски, спросила:

– Эй, кто здесь?

– Я...

– Я?.. Хороший ответ, – усмехнулась она, не поворачивая ко мне головы, так и пялясь в потолок. — Ну и кто ты такая?

– Ну, я... – отчего-то я оробела и запнулась, глядя на фигуру на нарах.

Наконец моя сокамерница соизволила повернуться лицом ко мне и, подперев рукой голову, спросила:

– Новенькая, что ли?

– Да.

– Оно и видно! – усмехнулась заключённая. – Ишь, какая — гладкая, личико сытое... Ничего, посидишь здесь и через пару лет станешь такой же, как я.

Женщина нервно расхохоталась. Смех у нее был неприятный, лающий.

Отсмеявшись, она умолкла, и я смогла хорошо рассмотреть бедолагу.

Ее белое, как бумага, изможденное лицо имело землистый оттенок, видимо, из-за недостатка света; над запавшими щеками выдавались довольно широкие скулы, а небольшие серые глаза казались застывшими и безжизненными, как у замороженной рыбы. Бледные губы были тонкими, причем нижняя челюсть немного выдавалась вперед, что придавало лицу угрюмое выражение. Прядь сальных волос, выбившаяся из-под серой тюремной косынки, прилипла ко лбу. На запястье левой руки намотана грязная повязка с бурыми пятнами крови; пальцы испещрены многочисленными ссадинами и шрамами. Она выглядела тощей до невозможности – все косточки можно пересчитать. Мне казалось, что в камере не так уж холодно, однако женщина оставалась в арестантской куртке из грубого сукна, которая болталась на ней, как на вешалке. Растоптанные башмаки, валявшиеся под нарами, явно не соответствовали ей по размеру и скорее подошли бы взрослому мужчине, но, по-видимому, женщина привыкла к ним, как привыкла к решеткам на окнах, отсыревшим стенам, грязи, крысам, тараканам, паразитам и другим неприятным вещам, которые имеются в любой тюрьме.

Два года, сказала она? Значит, эта женщина находится здесь ещё больше? Впрочем, она, скорее, не женщина, а девушка, просто выглядит старше своих лет. С первого взгляда мне показалось, что ей не меньше тридцати, но сейчас я поняла, что едва ли она старше меня.

Интересно, кто она, как оказалась за этими толстыми стенами и за что попала сюда? Говорит таким тоном, будто не надеется выйти никогда... Что же такое она совершила? Должно быть, её вина посерьёзнее разбоя, за который меня приговорили к десяти годам тюрьмы с постоянными вывозами на тяжёлые работы. Хорошо хоть тюрьма в Дебрецене, не так далеко от дома. Может, и сумею пережить все эти годы – ведь Эрик обещал часто навещать меня.

Сокамерница продолжала лежать все в той же позе, уставившись неподвижным взглядом в какую-то точку над моей головой, и вдруг спросила своим хрипловатым голосом:

– Тебя как звать-то, новенькая?

– Ники. Ники Фенчи, – с готовностью ответила я. – А тебя?

– Анна, – вздохнула сокамерница, – Анна Зигель. Слыхала о такой?

– Нет, – отчего-то смутилась я.

– Хм-м... А я-то думала, что моё имя раструбили на всю Австро-Венгрию... Тебя за что упекли?

– Разбой. Одного ювелира обокрала, на очень приличную сумму.

Анна смерила меня взглядом, будто оценивая, и усмехнулась.

– Ха, ну ты даёшь! А я вот гриль кое из кого приготовила.

– Какой гриль? – не поняла я.

– Как какой? Люди-гриль, слыхала о таком блюде? Я их поджарила... Поджарила... – Анна истерично захохотала, и все не могла остановиться, будто в припадке.

Я смотрела, как она захлебывается от смеха, пока не сообразила:

– Так ты здесь за поджог?

Анна вдруг прекратила смеяться, молча кивнула и проговорила с долей гордости:

– В один прекрасный день я сделала мир чище, зажарила людишек в своей гимназии! За это меня собирались казнить, представляешь?! Вот только шиш им! – Анна потрясла грязным кулачком и по ее лицу скользнула злорадная ухмылка. — Я тогда еще несовершеннолетняя была. Вот почему я здесь. Тебе который год?

– Двадцать один уже, – тихо ответила я, – на прошлой неделе исполнилось.

– Да мы ровесницы! – будто обрадовалась Анна. – А откуда ты?

– Вообще-то я из Залаэгерсега, а так – из Будапешта.

– Повезло тебе, – хмыкнув, покивала Анна, – от дома совсем недалеко. А меня вот сначала потащили из Инсбрука в Вену, потом ещё чёрт знает в каких местах держали, пока, наконец, не довели до Дебрецена. Поверь, это ещё не самое худшее место из тех, где ты могла бы провести свои юные годочки. И вообще, можешь считать, что тебе вдвойне повезло. Сегодня работать не заставят, только завтра погонят, прямо с утра.

– А ты почему не на работе?

– Тебя это так волнует? – бледные губы Анны саркастически искривились, и вдруг она крикнула со злостью: — Не твоё дело!

Я пожала плечами.

– Конечно, не моё. Я просто спросила...

Анна ничего не ответила, коротко вздохнула и внезапно поинтересовалась:

– Тебе передачи есть кому носить?

– Да, – уверенно кивнула я. – У меня есть братья и сёстры, они обещали, что не оставят меня.

– Будешь делиться? – с плохо скрываемой жадностью спросила заключённая.

– Буду, – спокойно ответила я.

После этого Анна заметно повеселела, уже не выглядела такой унылой и осунувшейся. Она соскочила с нар и принялась расхаживать по камере, от окна до двери и обратно, насвистывая что-то себе под нос.

А я наоборот, внезапно ощутила, что на меня наваливается жуткая усталость, реакция на то, что мне пришлось пережить за последнее время. Совсем недавно я понятия не имела, что меня ждет и вот теперь оказалась в страшной тюрьме, где мне предстоит провести много лет. Анна продолжала мерить шагами камеру, не обращая на меня внимания, поэтому я скинула башмаки и прилегла на нары.

Когда закрыла глаза, реальность как будто отодвинулась от меня. С закрытыми глазами можно вообразить, что я у себя дома, а вовсе не в сырой камере за толстыми стенами мрачного тюремного замка; и не было ни ареста, ни пыток, ни суда, ни приговора, ни того злополучного аукциона... Я до сих пор не верила, что все это случилось со мной.

Интересно, нашли ли они алмазы? Спросить об этом у Эрика я не решалась, ведь мои письма наверняка читают, и тогда ему несдобровать. А алмазы... Эти алмазы – целое состояние! Сверкающие, огромные, размером чуть не с перепелиное яйцо. Одного такого наверняка хватит, чтобы жить припеваючи и не работать хоть до самой смерти! А вдруг полиция все-таки обнаружила тайник в моей квартире? Нет-нет! Об этом даже думать невозможно!

Мои размышления прервал хриловатый голос Анны:

– Ты здесь особо не раздевайся – закусают.

– Кто закусает? – не сразу поняла я.

– Клопы. Их тут знаешь сколько? У-у-у... Тысячи, а может и миллионы. Кровопийцы вонючие! Ну да ничего: поначалу, конечно, чесаться будешь, а потом привыкнешь.

– Спасибо за предупреждение, – с плохо скрываемым сарказмом ответила я.

Анна лишь пожала плечами и сообщила:

– Однажды я задумала очистить свою камеру от клопов, и очистила! А они меня за это в карцер упекли!

– Почему?

– Это когда я еще в следственной тюрьме сидела, — с удовольствием человека, который слишком долго молчал, принялась рассказывать она, — очень уж там клопов много было. Жирные, злющие, кусачие – страсть! Ну я и придумала, как от них избавиться. Растеребила свой матрас, разбила лампу и... того... Он мигом загорелся... Светло стало, точно днём!

Глаза Анны блеснули, она расхохоталась и долго не могла остановиться, все смеялась и приговаривала: «Поджарила их, поджарила!»

Я смотрела на нее с невольным сочувствием. Может, она сумасшедшая?.. С трудом верилось, что передо мной самая опасная обитательница тюрьмы, на совести которой несколько человеческих жизней. Наверное, другие заключенные боятся попасть в одну камеру с Анной, но почему-то я совершенно не испытывала страха перед ней. А может, меня специально подсадили к Анне, именно с тем, чтобы надавить на меня, узнать, где спрятаны алмазы? Ведь этого от меня добивались все время.

В следственной тюрьме мне довелось перенести многое: меня пытали, избивали, порой не давали спать по ночам. Меня держали в какой-то тесной душной камере. В длину она была четыре шага, а в ширину всего два, и напоминала гроб, в котором меня специально похоронили заживо. Кормили всего один раз в сутки, таким мерзким варевом, от которого и свины бы отказались. Бывали дни, когда я впадала в отчаяние и всерьез сомневалась, что доживу до суда... Во время избиений на допросах полицейские сломали мне два ребра, я еле передвигалась, каждый вздох отдавался невыносимой болью в груди, но несмотря на это меня ежедневно таскали к следователю, а этот гад с черными буравящими глазками все задавал и задавал свой единственный вопрос: «Где алмазы?» Я всегда отличалась упрямством и не хотела отказываться от прекрасного будущего, которое ждет меня, когда я выйду из тюрьмы. Видя, что ему от меня ничего не добиться, следователь приходил в ярость, кивал своему подручному и на меня опять сыпались десятки ударов. От боли я теряла сознание и тогда меня опять водворяли в похожую на гроб камеру. То, что я вообще осталась жива после всего этого, иначе как чудом не назовёшь.

Но теперь все позади. Я получила свой приговор и уже завтра меня погонят в каменоломню. Тоже, наверно, не сахар... Уж охранники проследят, чтобы я отпахала все двенадцать часов на этой адской работе. Только бы не надели кандалы на ноги...

Будто подслушав мои мысли, Анна вдруг сказала:

– Если будешь вести себя как паинька, кандалы не наденут, – с этими словами она присела на край моих нар и продолжила: – Знаешь, что за народ в этой тюрьме? У-у... Тут о-очень много убийц. Кто сидит за одно убийство, кто – за пять, а кто-то... – Анна недобро усмехнулась: – ... за сорок три.

Я невольно вздрогнула. Сорок три?.. Вот эта худенькая девушка убила столько людей? Устроила поджог, поджарила, как она сама выразилась? Страшно представить! Но почему она это сделала? Наверное, неспроста? Мне хотелось узнать подробности, но спросить я не осмелилась, только, помолчав немного, поинтересовалась:

– И ты этим гордишься?

– Не то, чтобы горжусь, но... Жалеть-то уже поздно. Что сделано, то сделано! Знаешь, я давно уже не думаю об этом. А если начистоту – то меня вообще никогда кошмары по ночам не мучили. Мне кажется, все эти разговоры о муках совести – полная ерунда и чушь. Чушь! Совесть – страшная сказка для трусов, которые боятся понести ответственность за свои грехи. Трус, он ведь не раскаивается, а именно боится, что с него рано или поздно спросят... А я уже ответила. Перед людьми. А теперь осталось разве что перед дьяволом ответить, — Анна понизила голос и добавила совсем тихо: — но с ним мы вряд ли скоро свидимся... – Затем она мотнула головой и продолжила, будто обращаясь не ко мне, а разговаривая сама с собой: – В рай-то мне все равно не попасть! Я – тварь земная, на небе не уживусь. Я могу сколько угодно каяться перед Богом, перед людьми — а толку? Ведь все равно никто не поверит в искренность моих слов. Ну и не надо! Получается, что мне бесполезно и уже поздно каяться. Слишком поздно.

Размышления Анны были прерваны лязганьем замка. Из коридора послышался голос дежурной заключённой:

– Обед!

Анна вытащила из-под матраса железную кружку, развернула тряпицу, в которой оказалась ложка, и направилась к двери. Пренебрежительно глядя на дежурную, поинтересовалась:

– Что за отраву ты сегодня притащила?

– Рассольник, — буркнула дежурная, ковшиком зачерпывая из чана и наливая в кружку Анны жидкое варево, в котором плавали какие-то зеленые лохмотья. Затем сунула ей несколько кусков хлеба.

Беря кружку, Анна состроила недовольную физиономию:

– Фу! Эту гадость что, на бычьей моче варили?

– Я почём знаю?! – огрызнулась дежурная. – Думаешь, я там на кухне французские деликатесы жру?

Анна продолжала возмущаться:

– А запах-то, запах!.. Ну прям как от бочки с керосином!

Дежурная бросила на Анну хмурый взгляд.

– Кому уж, как не тебе различать такие запахи!.. Тебе, верно, везде керосин мерещится?

Затем она посмотрела на меня и поторопила:

– Эй ты, как там тебя? Давай, шевелись быстрее, мне ещё в других камерах людей кормить.

Я подбежала к дежурной со своей кружкой и ложкой. Та молча налила мне супа, сунула хлеб, и через секунду дверь камеры вновь заперли. Анна уже пристроилась за столом и я уселась напротив нее. На мой вкус рассольник оказался не так уж плох, и никакого запаха керосина я не ощутила. После тех помоев, которыми меня потчевали в следственной тюрьме, его можно было назвать замечательным. И хлеб был достаточно свежим. Я, давно не видевшая ничего кроме заплесневелых корок, с жадностью отхватывала зубами огромные куски, и торопливо прихлебывала суп.

Я опустошила свою кружку почти мгновенно, принялась за хлеб, и тут Анна предупредила:

– Крошки не бросай – крысы заведутся.

– Крысы? – рассмеялась я. — По-моему, они тут уже есть...

– Станет больше, – подмигнула сокамерница. – Тут одну крыса уже покусала. Девчонку месяц лихорадило так, что еле передвигалась. А лечить ее особо никто не собирался. В общем... похоронили вчера. Забрать её было некому, поэтому закопали здесь, на заднем дворе. Видела?

– Там что, кладбище?

– Оно самое. От людей лишь таблички остались. Если некому похоронить по-человечески, то хоп – и всё, закопали! Даже после смерти будешь гнить здесь. Я думаю, если похоронят в тюрьме, это куда страшней, чем на воле.

– Почему?

– Знаешь ведь, когда тело зарывают в земле, душа оживает. Если эти застенки не отпустят меня даже после смерти, моя душа не обретёт покоя. Я очень не хочу остаться здесь, когда умру. Думаю, по сравнению со стенами тюрьмы, котлы ада – просто ерунда!

– Ты что, веришь в загробную жизнь?

– Конечно, – рьяно кивнула Анна. – Так бы хотелось, чтобы после того, как я гикнусь, моё тело кто-нибудь забрал. ... Но кто же это сделает? Родителей у меня нет. Они живы, но я для них давно не существую, да и они для меня тоже. Им легче думать, что у них нет дочери, чем принять то, что их дочь – убийца. Хотя я и раньше их не слишком волновала, всю жизнь они были заняты собственными проблемами. Когда надо мной издевались в школе, им было всё равно. Знаешь, иногда я думала, что сиротой быть лучше, настолько одинокой себя чувствовала. По бумагам были родители, а на самом деле – нет. Только дедушка. Пожалуй, един-

ственный человек, который относился ко мне внимательно. Но дедушка умер, когда мне было девять лет, и я осталась сиротой при живых родителях. Представляешь, каково это?

Я пожала плечами:

– Мои родители тоже умерли. Меня растили старшие братья и сестра

– Везёт, – вздохнула Анна. – У меня ни братьев, ни сестер.

Далее она принялась рассуждать о загробной жизни, о людях, окружавших ее, и о том, чего ждать на том свете, и о том, что ждать на том свете, если оплакивать её будет некому. Похоже, выйти из тюрьмы Анна не надеялась. А еще она призналась, что уже пыталась покончить с собой, вскрыв вены осколком стекла, но тогда охранники подоспели. Мне стало понятно, что за повязка у неё на запястье.

– Кровь хлестала фонтаном!.. У-у-у, сколько её было... Кажется, весь тюфяк пропитался, на нары протекло... Сколько её тут было...

Анна захохотала, как припадочная, приговаривая: «Кровь, кровь», и даже стучала кулаком по крышке стола.

Неизвестно, сколько бы она билась в истерике, но тут за дверью камеры вырос надзиратель:

– Будешь так шуметь, Зигель – отправлю в карцер!

– Отвали! – злобно бросила Анна в его сторону.

– Ох, ну до чего ты мне надоела!

– А ты мне! – буркнула Анна и, подождав, когда надзиратель удалится, проговорила презрительно:

– Фу-ты ну-ты, шумно ему показалось! Забыл, с кем имеет дело, молокосос!

Я пожала плечами.

– А чего им тебя бояться, здесь, в тюрьме?

– Ага, только к ним сунешься — сразу за наганы хватаются. Куда уж мне, несчастной каторжнице, с заточкой на них переть... – с этими словами Анна ловко вытащила из рукава внушительную заточку и похвасталась: — Крепкая, острая. Хочешь – на охоту ходи, хочешь – ружьё заряжай.

– Ты что, сама ее сделала? – с интересом спросила я.

– А кто, по-твоему, – с самодовольством ответила Анна. – Погляди, что у меня еще есть!

С этими словами она вытащила из-за пазухи духовое ружьё, которое соорудила из газет. А после достала из-под стелек своих непомерных башмаков несколько коротких деревянных стрел.

Мне было интересно, успела ли она уже применить это оружие против кого-то? А может, оно ей было нужно, чтобы проверить «колючку», по ней иногда пускают электрический ток. Вдруг она готовит побег? Вполне может быть.

– Анна... – все-таки решилась я спросить, —, а как тогда все случилось?..

Зигель вмиг изменилась в лице, мне даже показалось, что в её застывших глазах промелькнуло что-то живое. Я давно заметила, что люди замкнутые и необщительные остаются закрытыми до тех пор, пока не почувствуют к себе живой интерес со стороны. Может, Анна еще способна раскаяться в том, что сотворила? Из-за нее погибли сорок три человека. Она думает, что кое-кто из них это заслужил, но ведь там были и люди, ни в чем перед ней не виноватые?

Тонкие бескровные губы Анны исказились в злой усмешке:

– Ты прямо как инспектор Дитрих, – произнесла это имя, она даже поёжилась. – Таким он казался вежливым, понимающим, прямо отец родной... Наверно, со мной он больше времени проводил, чем с собственной женой, – Анна вновь разразилась неприятным лающим смехом, и продолжала хохотать, пока на глазах не выступили слёзы. – Но это он только казался добреньким, а глаза стальные... На подчиненных, бывало, как прикрикнет! Правда, остывал быстро. Вампир он, каких еще поискать! Он меня просто доконал...

Я заметила, что у Анны дрожат руки. Дышала она прерывисто, видно, сильно разнервничалась. И тут я вспомнила, что она самая опасная обитательница тюрьмы, и в этот момент мне стало по-настоящему неуютно рядом с ней. А вдруг ночью она перережет мне горло? Кто знает, что там у неё на уме? Терять-то ей уже нечего: убьёт, и рука не дрогнет. Похоже, она вполне способна ударить ножом, иначе зачем бы показывала его мне? Должно быть, не зря ее боятся остальные каторжники. Ненависть выжгла Анну изнутри, она законченный циник и не признает ничего человеческого.

Я глядела на нее, и мне казалось, что передо мной волк. Волк в человеческом обличье. Вернее, волчица. Но, наверное, даже волки не поступают со своими жертвами так, как поступила Анна. Она говорила о своем поступке, как о чём-то незначительном. В ее голосе я ни разу не услышала ни капли раскаяния или сожаления. И все равно, мне ужасно хотелось узнать её историю. Ведь неспроста она стала такой? Ведь не могла она родиться зверем. Не могла! Вдруг, узнав, что довело ее до страшного преступления, я смогу её понять? Только вот как мне разговорить Зигель? С ней нельзя вести себя как с обычными людьми. Она не человек. Человек в ней сторел той злополучной осенью.

Похоже, она и сама это понимала. Так и сказала:

– Ятеперь не человек. Я – зверь. Помню, было мне лет тринадцать. Бывало, сидят родители, чем-то своим заняты, а на меня никакого внимания. Ну, я и начинала себя калечить. Шилом так — р-раз!

Резким взмахом руки она показала, как резала сама себя шилом, и опять расхохоталась, как безумная.

Я держалась из последних сил, мне казалось, еще чуть-чуть, и я сама сорвусь, и вот тогда уже сумасшедшая каторжница выместит на мне все свои обиды и страхи. Но тут Анна взяла фляжку, выпила воды, немного отдышалась и неожиданно успокоилась. Как ни в чем не бывало она достала из-под нар шахматную доску, узелок с фигурами и спросила:

– В шахматы играешь?

– Играю! – быстро кивнула я.

– Это хорошо... Иной раз конвойные играли со мной, но они не всегда в хорошем настроении, считают, что прежде всего они надсмотрщики, а только потом – люди.

Анна сделала первый ход пешкой и спросила:

– А что, давно ты в шахматы играешь?

– Довольно давно, – ответила я, сделав ход конём. – Меня брат научил.

Анна, взявшись за своего коня, проговорила:

– На первый взгляд шахматы – занятие скучное, но... Они учат думать. А хорошо сообщать не каждому дано! – сделав ход, она нервно слотнула.

– Тебе виднее, – отозвалась я. — Всё-таки для того, чтобы тщательно продумать поджог, да ещё потом две недели бегать от полиции, нужны о-го-го какие мозги!

– Ну да, меня ж по всему Тиролю искали, а потом и по всей Австрии, – кивнула Зигель. – Но я-то местные леса и горы знала, как свои пять пальцев – я ведь часто там гуляла и каждую скалу, каждую тропинку изучила. Они-то всё по главным дорогам рыскали, а я залягу в кустах. Они прямо у меня перед носом идут и не замечают. Долго поймать не могли. Собаки, и те теряли след. Мне лес скрываться помогал, ну и горы, конечно. Один раз думала: все, конец! Ищейки окружили, уже на прицел меня взяли. И тут мне на счастье, оползень случился. Они про меня и забыли, дай бог самим выбраться. Я, как увидела, что они в панике, кинулась в другую сторону. Добежала до озера и поплыла. В воде ни одна собака не чует. Так что, Ники, если бежать, то через реки – потом ищи-свищи!

Прервав рассказ о побеге, Анна сделала очередной ход, а после опять пустилась рассуждать о жизни после смерти, и мне поневоле приходилось ее слушать.

Первый день оставил у меня самые тягостные впечатления. Вечером, уже лежа на scom-канном тюфяке, я размышляла о своей сокамернице. Если судить по монологам Анны, для неё самым страшным наказанием была не петля, а именно жизнь. Ведь она даже желала смерти, пыталась покончить с собой. Теперь эта рано повзрослевшая гимназистка смиренно ждала смерти, но ожидание естественной кончины было для неё тягостно, и похоже, она хотела бы забрать с собой на тот свет как можно больше людей.

Анна призналась, что за нарушения дисциплины ей присудили трое суток изоляции. Послезавтра срок истекает, Анна присоединится на работах к остальным каторжницам, среди них буду и я.

Судьба Анны казалась мне интересной, и я решила, что непременно разговаривать с ней. Она и правда, напоминала матёрую волчицу – было видно, что слабость почует за версту. Постарайся ее не провоцировать, и в то же время держать себя с достоинством, уверенно. Возможно, я даже сумею повторить успех того самого инспектора Дитриха, который вызвал Зигель на откровенность.

Глава 2. Аукцион

По ночам я спала плохо. Сон, и без того беспокойный, постоянно нарушался – то голосами конвойных в коридоре, то неразборчивым бормотанием соседки по камере, то визгом и шорохом крыс. В общем-то, камера не слишком отличалась от комнатки, которую я снимала в Будапеште. Там было так же неуютно и тесно, словно в старом шкафу.

Комнатка располагалась в чердачном этаже. Летом солнце раскаляло крышу, и в моём жилище становилось невыносимо душно. Зимой во все щели проникал ледяной ветер. В холодное время года я постоянно была простужена, и если б не братья, покупавшие мне еду и лекарства, я бы давно погибла от чахотки.

Длина и ширина этой убогой каморки вряд ли превышали пять шагов. Потолок нависал прямо над головой, так, что высокому человеку невозможно было выпрямиться во весь рост. Жалкую мебелировку составляли стол, обитый железом сундук и просиженный диван, из швов которого там и сям вылезала мочальная набивка. На этом уродливом ложе мне приходилось спать. Я ложилась в чулках, платье и тёплой кофте, закутываясь в два старых покрывала. Только так можно было сохранить тепло.

Выцветшие обои давно отстали от стен, а местами были содраны до штукатурки. Едва я гасила свет, из щелей выползали тараканы. Просыпаясь утром, я часто видела снующих по столу рыжих прусаков. Бедняги, с грустной усмешкой думала я, всё равно здесь вам не найти ни крошки съестного!

Единственное окно комнатки выходило на северо-запад, поэтому солнце было редким гостем в моём угрюмом жильё. С непривычки, наверное, здесь можно было с ума сойти от тоски. Не дом, а загон для животного или, скорее, гроб. Крысы, видимо, тоже считали мою каморку гробом. Они с нетерпением ждали, когда я, наконец, усну вечным сном, чтобы сожрать моё тело, а также одежду, которую я предусмотрительно запирала в сундук.

Тяжёлый, неприступный, как старинная крепость, сундук был единственным спасением от крыс. Я хранила в нём обувь и одежду, украшения, запасы еды, даже мыло и свечи. Ночами я слышала быстрый топот крысиных лапок на крышке сундука. Мерзкие твари чуяли вкусные запахи, но не могли прогрызть железную обивку.

Из моего крохотного окошка была видна вся округа – невзрачные улицы, заселённые будапештской беднотой. Район был удалённый от центра, битком набитый людьми, едва сводящими концы с концами. У остановки трамвая постоянно вертелись мальчишки, одетые в изношенное старьё – они выпрашивали у пассажиров мелкие монетки, чтобы купить жареных лепёшек или сигарет.

Из своего окошка я видела ярмарку, где постоянно суетился народ, а у ворот цыгане играли на гитарах и скрипках, зазывая покупателей. Через дорогу виднелся большой трактир – любимое заведение местных любителей крепкой выпивки и жарких кутежей. Завсегдатаями трактира были мои «сёстры» по древнейшей профессии. Они вертелись у крыльца, а в летнюю пору высывались из распахнутых окон, заманивая мужчин огромными декольте, ярко накрашенными губами и бесцеремонным хохотом.

Девицы этого сорта околачивались и в местном парке. Разгуливая по аллеям, они опытным взглядом выискивали одиноких мужчин, бесцельно сидящих на скамеечках с бутылками пива. Такие вещи были известны мне не понаслышке. Все «хлебные» места будапештских проституток были мне знакомы, потому что я сама занималась этим промыслом. Мои братья, конечно, знали об этом. Но никогда ни они, ни Тимея не попрекнули меня ни единым словом. А Золтан даже помогал в сложных ситуациях.

Он был человек отчаянный, упрямый, дерзкий. Профессиональный налётчик, привыкший держать наготове наган. Собратья-преступники считали его справедливым. Иногда он

совершал поступки, которые были бы под стать знаменитому Робин Гуду. Например, во время грабежа богатого дома Золтан подал сердечные капли хозяину, которому стало нехорошо. Ещё был случай, когда он спросил у ограбленных, не последние ли деньги у них забирает, и великодушно оставил половину суммы.

Внешне Золтан ничем не напоминал бандита. Подтянутый, в модном сюртуке, шляпе и сверкающих ботинках, он ходил по городу с портфелем, как адвокат или преподаватель. Спокойная поступь, любезное выражение лица и открытый взгляд серых глаз производили самое приятное впечатление. Только две черты не увязывались с чинным образом – нос, перебитый в давней драке и шрам от ножа на щеке. Но распознать в этом порядочном горожанине опасного преступника мог бы, наверное, только опытный полицейский. Обычные люди редко бывают столь проницательны.

В ближайшие дни я собиралась навестить домой, в Залаэгерсег. Тимея наверняка мне обрадуется, не говоря уже о братьях. Мы, Фенчи, всегда были друг за друга горой. Ходят слухи, что жулики готовы продать и купить родную мать, что не всегда так – в отношении нашей семьи сказать такое вряд ли бы у кого язык повернулся. Взаимовыручка стала нашим кредо, как и многодетность – Эрик рассказывал мне, что в семействе Фенчи никогда не бывало меньше четырёх детей. И, конечно, всех нас до одного объединял принцип «деньги не пахнут». Мало у кого была чистая биография. В родном Залаэгерсеге нас давно «взял на карандаш» инспектор Йодль. Он собрал на нас такое досье, что даже покойные родители не смогли бы рассказать больше. Можно сказать, Йодль держал нас железной клешней.

Пасмурным октябрьским утром я, как обычно, проснулась рано – часов в семь. Было ещё темно, и я зажгла керосинку. В комнате стало светлее и длинные тени упали на зеркало, где спокойно сидел жирный чёрный таракан. Он даже не пошевелился, когда я подошла к зеркалу, чтобы умыться. Я старалась быть чистоплотной, чтобы вши не завелись. Водопровода в моей квартире не было, и мне приходилось бегать за ней вниз. К счастью, во фляге было ещё достаточно, но почему-то эта вода воняла рыбой, аж прикасаться не хотелось. «Ну ничего, в конце концов, нормально помыться я могу и у Золтана, так?» – подбадривала я себя, расчёсывая сбившиеся в колтуны волосы. Препротивное занятие. А всё-таки, накоплю я на собственный дом где-нибудь в деревне. Может ещё у нас всё наладится, и мне не придётся спать с кем-то за деньги. Несмотря на то, что я обслуживала только проверенных клиентов, ощущение тревоги никогда не покидали меня – нередко проститутки гибнут от рук клиентов или посторонних людей по самым разным причинам, и, как правило, полиция расследует эти убийства «спустя рукава». Но на другой чаше весов всегда была жажда лёгких денег, и оттого я продолжала этим заниматься, хотя про себя и думала, что пора бы с этим завязывать.

На улице, вроде, не холодно. Я накинула пальто и, осторожно спустившись вниз, вышла на улицу. В этот ранний час на улицах было довольно многолюдно, а у трамвайной остановки – так настоящая толчея. Неудивительно – все спешат на работу. Я стала осматриваться, высматривая глазами мальчишек-газетчиков. Я почти всех уже знала по именам, со многими успела сдружиться. Они охотно рассказывали мне о новостях, что могли бы меня заинтересовать, я же не забывала подкидывать им ещё мелочи. Как ни крути, ребёнка купить легко, он ведь ещё не знает цену деньгам, потому и прельщается горстке медяков. Тем временем, у ворот парка показался мальчишка, приветливо машущий мне рукой. Кажется, его звали Иштван. Я подошла к нему и заговорила:

– Ну, что нового?

– Ничего, что могло бы тебя так заинтересовать! – отмахнулся мальчишка, протягивая мне газету. – Толпа старых зануд съела половину Будапештских припасов на какой-то своей встрече. А ещё все сходят с ума из-за аукциона, где продают покрытый тайнами изумруд.

– Ну да! – усмехнулась я, протягивая газетчику мелочь. – Обычная стекляшка, сдаётся мне. Кстати, а где проходит этот аукцион?

– Да, тут написано, – лениво ответил Иштван. – Не могу сказать, извини.

– И не надо, – улыбнулась я и ускорила шаг.

Дома я внимательно изучила заметку и, вырезав себе на память листок, решила во что бы то ни стало попасть туда. Надо выглядеть как можно более элегантно, чтобы не выделяться из толпы собравшихся. Едва ли там будут обычные люди, рабочие с окраин. Если повезёт, я могу найти себе или брату удобную мишень. Надо сказать Золтану... Да, так я и сделаю. А пока надо присмотреть одежду попримличнее. Чёрт, ненавижу перебирать инвентарь! В следующий миг, наверное, соседи снизу оглохли от звуков передвигающихся сундуков и скрипящих половиц. Я рылась в пожитках, как крот на грядке. Нужно платье я нашла с большим трудом и, взяв его под мышку, закрыла сундук и направилась к Золтану, благо ключи от его квартиры у меня были. Его самого дома не оказалось, но наверняка он после обеда появится. Частенько он подрабатывал где-то на фабрике, иногда грузил мебель. Золтан за свою короткую жизнь сменил немало профессий, но бросать свой преступный промысел он и не собирался даже. Раз за разом он осваивал новые виды наживы, и всё дальше и дальше забирался в своих похождениях.

Брат вернулся в третьем часу дня и немало удивился, когда застал меня за примеркой наряда.

– Ники, ты что тут делаешь?

– Да вот, собираюсь кое-куда... Скажи, от меня крысами не пахнет? – от волнения я начала глотать и звуки, и целые слова.

– Да какая разница? Ты куда это срываешься, скажи мне?

– На аукцион, – ответила я. – Ты со мной пойдёшь. Знаешь, братец, там полным-полно людей, у которых наверняка есть, чем поделиться с нами, жителями будапештских трущоб. Если будем работать сообща, в барышах останемся.

Золтан аж присвистнул, удивляясь моей инициативности. Он привык видеть меня созданием рефлексирующим, местами даже слабовольным, коими и являлись многие проститутки. Скольких ни спрашивала, многим опостылела такая работа, но отказаться от лёгких денег они были не в силах, не считая тех, кто готов был отдаться просто за ночлег.

– Смотри, веди себя подобающе, – крикнула я Золтану, когда тот ушёл в ванную комнату. – Ты ведь сегодня «цвет нации», а не чернь с окраин.

Золтан спокойно отнёсся к такой колкости и продолжил готовиться. В скором времени мы оба выглядели наилучшим образом, как обычные зажиточные горожане.

Я посмотрела на часы. Ага, сейчас половина пятого. До аукциона ещё час с гаком. Мы сверились с картой, и, определив маршрут, вышли.

– Осанку держи, Ники, осанку, – подталкивал меня Золтан.

Мы решили не ловить экипаж, а добраться своим ходом. Путь занимал чуть менее часа, и мы успели как раз в срок.

Я заняла место где-то в средних рядах. Зал был переполнен. Люди довольно живо обсуждали этот самый изумруд, особенно связанную с ним легенду. Пока Золтан хищно оглядывал гостей аукциона, я безучастно смотрела вперёд. Рядом со мной сидели три шлюховатого вида дамочки с какими-то неприятными шавками. Вскоре занавес поднялся и, под всеобщие аплодисменты, за трибуну прошёл ведущий аукциона – мужчина в очках. Произнеся довольно скучную приветственную речь, и объявив номер лота, она начала вдохновенно рассказывать историю этого изумруда. Вот, что я услышала:

Этот изумруд принадлежал турецкому султану. Он был очень богат, имел обширные владения. У него было более трёх тысяч жён и наложниц. Подумать только! При этой цифре мои глаза чуть не полезли на лоб. Но это не главное – ходили легенды, что камень заговоренный.

Все, кто добывал его преступным путём, умирали, либо были прокляты. Тут рассказ внезапно кончился, и начались торги. Нет, я бы определённо не протянула даже стартовую цену лота. Но игра стоила свеч! Я решила обязательно выяснить больше об этом камне. А это придётся сидеть тут и ждать, пока закончатся торги. Долго ещё я сидела и скучала, выслушивая трескотню своих соседей по рядам. Мужик, сидящий сзади меня, буквально облокотился на моё кресло и всё время бормотал что-то невнятное. Дамочки же не упустили возможностей обсудить самого султана. А именно, сколько у него лет ушло бы на каждую жену и наложницу. Неужели они умели считать? Поразительно! А в это время болонка одной из них обнюхала меня целиком. Крыс что ли учуяла? Поди разберись. В конце концов, приставучая собака мне надоела, и я от души пнула её под бок. Та с визгом отлетела шагов на пять вправо. Внимание этих трёх особ тут же переключилось на собаку. Как они охали и ахали, осматривая её... Я чуть не взбесилась! А тем временем на сцене ведущий всё нудно перебирал цифры одна другой краше. Наконец, сказал, что на сегодня торги окончены. Всё переносится на завтрашний день.

Зал постепенно пустел. Золтан всё время откровенно скучал, да делал какие-то наброски в свой блокнот. Когда я уже хотела сказать, что нам пора идти, он внезапно подкинул мне блестящую, как ему казалось, идею:

– Ники, ты же знаешь своё дело, верно? Почему бы тебе не... Э... Охмурить организатора торгов? Я слышал, этот ювелир слаб до женщин. А ты вроде и красивая, и способы все знаешь...

Я остолбенела на миг и, оглядевшись, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, я схватила Золтана за рукав и вывела из зала. Не хотелось в присутствии людей обсуждать какие-то планы.

– Тише говори, Золтан! – шептала я. – С ума сошёл – на людях такое говорить?! Кроме того, я не собираюсь...

– Давай-давай, красавица, действуй. В конце концов, для тебя это будет хороший шанс покончить с опостылевшим занятием. Вот что, найди предлог, чтобы его разговорить и действуй. Наверняка он сам захочет затащить тебя в постель. Тут-то мы его и прищучим! Вот так: оп! – Золтан резко поднял вверх указательный палец и замолк, ожидая моей реакции.

В этот момент меня буквально ослепили блестящие перспективы – всего-то и надо, что соблазнить падкого на женщин мужчину, и не отдаваться ему на ночь за деньги, а всего лишь на некоторое время нейтрализовать, да и обчистить его дом подчистую. Уж там-то наверняка есть, чем поживиться. Добычу я уже числила на своём счету, поэтому и решила, что завтра, после окончания торгов, непременно попробую разговорить нашу будущую жертву

Глава 3. Клиент созрел

Как поймать организатора выставки? Есть ли у него слабые места? Этот вопрос мучил меня всю ночь, и я не могла уснуть. Я знала, что делу шкуру не убитого медведя, но азарт овладел мной полностью. Я не могла думать ни о чём другом, кроме предстоящего обогащения. Это шанс для меня и моей семьи выбраться из той ямы, где мы пребывали долгие годы. Наш отец умер во время очередной каторги в девяносто восьмом году, когда Барнабасу, младшему в нашем семействе, едва исполнилось три года. Тогда же закончилось детство и у Тимеи – поскольку мать часто болела, наша старшая сестра ухаживала за остальными. Я тогда очень была привязана к Тимее и в девять лет я больше всего на свете желала, чтобы сестра чаще улыбалась. Она крутилась, как белка в колесе, разрываясь между учёбой, работой и семьёй. В девятьсот пятом умерла и наша мать. С тех пор у нас снова всё пошло под откос – Золтан, уехав в Будапешт, быстро свернул на кривую, и к двадцати трём годам успел год провести на каторге. Но на пользу это не пошло, и после отсидки он постигал всё новые и новые грани преступной жизни. Легко понять состояние Тимеи, неудивительно, что она стала дёрганой и нервной. Однако, как у неё стали подрастать собственные сыновья, она стала немного более уравновешенной – во всяком случае, нервные срывы случались у неё значительно реже. Похоже, наша старшая сестра решила, что раз уж братья выросли непутёвыми, то хоть собственных сыновей сможет правильно воспитать.

– Ники, подъём! – Золтан усиленно расталкивал меня поутру, едва стало светло.

– Ты на часы смотрел? – хмуро поинтересовалась я.

Он не ответил, лишь достал папироску и закурил. Так продолжалось минуты три, пока я выискивала, в чём бы сегодня пойти на аукцион.

Для осуществления плана, возникшего в голове у Золтана, следовало одеться поярче. Любая девушка нашей профессии знает, что броская одежда привлекает клиентов. Мне нравилось голубое платье с глубоким вырезом и мелкими рюшами по лифу, но когда я достала его из глубин своего сундука, Золтан отрицательно покачал головой:

– Не пойдёт: посмотри, у него подол обтрепался. Дамы такие платья не носят, они отдают их своим горничным. Может, к тебе оно попало как раз таким образом?

– Не мели ерунды, ты же знаешь, я никогда горничной не была, – буркнула я в ответ.

– Это точно. Что за радость получать деньги раз в неделю, когда можно зарабатывать каждый день? – подмигнул Золтан и рассмеялся.

Брата моё ремесло нисколько не смущало. Он прекрасно знал, что девушке из трущоб трудно устроиться на приличное место, и уж точно лучше иметь кусок хлеба ежедневно, чем голодать, изображая из себя святую невинность.

Когда я показала ему лиловое шелковое платье с отделкой из черного гипюра, брат одобритительно кивнул. Вкусу записного модника можно было доверять.

Прихватив с собой платье и некоторые дамские принадлежности, я вместе с Золтаном отправились к нему на квартиру.

– Сегодня ты сядешь в первом ряду, – наставлял по дороге брат. – Надо, чтобы организатор заметил тебя еще во время аукциона. Ты видела этого Гитца? Лощеный тип. Вот бы мне такой костюм! Материал гладкий, шелковистый... И рожа у этого типа сытая, гладкая – прямо восковой манекен из музея. Вчера, когда мужчина, ведущий торги, рассказывал байки про турецкого султана с гаремом и наложницами, среди мужчин шептались, что владелец аукциона не хуже этого султана: женщин меняет, как перчатки. Так что, Ники, у тебя всего один шанс. Вряд ли он захочет встретиться с тобой во второй раз.

Слова Золтана немного расстроили меня, в душу закрались сомнения: если Гитц настолько опытный донжуан, сумею ли я обмануть его? А вдруг он поймет, что я обычная уличная девка, и раскусит, в чём дело? Но тут я вспомнила об огромном изумруде, о других драгоценностях, которые могут храниться в доме аукциониста, и поклялась себе, что сделаю все возможное и невозможное, лишь бы стать богатой, иметь собственный дом, вырваться наконец из трущоб и из ненавистной комнаты-шкафа. Имея деньги, я сразу покончу со своей позорной профессией. Может, после этого я выйду замуж и стану уважаемой дамой... Но сегодня, пока я еще не важная дама, мне следует хотя бы походить на неё.

Золтан рассказал, отчего заявился ко мне ни свет, ни заря. Оказывается, он провел вечер неподалеку от здания, где проходил аукцион. Выпивая в кабачке, который располагается на той же улице, он кое-что выведал у местной публики об аукционисте; в частности, то, что квартира Гитца располагается по соседству, на задах аукциона, в доме, выходящем фасадом на другую, менее оживленную улицу. Жена одного из собутыльников Золтана прибирает в той квартире, таким образом брат узнал, что аукционист холост, живет один, часто приводит к себе женщин, а прислуга у него проходящая.

– Лучше и не придумаешь, – возбуждённо говорил брат, – ты знаешь, свидетели – это всегда лишняя головная боль. Этот тип проболтался, что квартира шикарная, там разного добра навалом, а еще в спальне имеется сейф, где хранятся главные ценности. Твоя задача – очаровать Гитца и сделать так, чтобы он пригласил тебя в гости. Наверняка там он предложит выпить – на этот случай надо запастись сонным порошком, – Золтан порылся в карманах пиджака и протянул мне заветный пузырёк. – В аптеке такое отпускается только по рецепту, – комментировал он. – Но стоило мне немножко доплатить, провизор мигом стал добрее и сговорчивее. Снотворное нам и самим пригодится.

– Ты думаешь, мне сегодня же удастся попасть к нему в дом?

– Было бы здорово, чёрт побери! Но боюсь, что сразу так не получится. Ты должна разыгрывать даму, а дамы в первый день не соглашаются на любовное свидание. Смотри, не проколись!

Пожалуй, сложнее всего мне будет изображать недоступность. Попробуй-ка смотреть высокомерно на мужчин, когда привыкла вести себя совсем иначе.

После завтрака, когда Золтан ушёл по делам, я, умывшись и нарядившись в принесенное с собой платье часа два строила рожи перед зеркалом, то строго сдвигая брови, то высокомерно приподнимая их. Я репетировала, как вести себя с Гитцем. Обращаясь к своему отражению, я жеманно лепетала: «Благодарю вас, господин Гитц, вы очень милы», или: «Нет-нет, я не могу принять ваше предложение, это неприлично!»

Наверное, со стороны это потешно выглядело, но на самом деле выбрать манеру поведения было самым важным.

Мы явились в аукционный зал за пять минут до начала торгов, и хорошо, что не позже – в первом ряду осталось всего одно место. Больше часа я пожирала глазами Гитца: он сидел в глубине сцены, позади трибуны, за которой выкрикивал достоинства лотов ведущий. Владелец аукционного зала был полноватым, среднего роста мужчиной лет сорока с небольшим. Он выглядел невозмутимым и сдержанным, но все равно не мог не заметить меня, и несколько раз останавливался на мне свой взгляд.

После аукциона я направилась к нему и задала вопрос о вчерашнем фантастическом изумруде. Оказалось, что камень уже продали.

– Кому же? – спросила я.

– Это конфиденциальная информация, фрау, – ответил аукционист и оценивающе оглядел мою фигуру, остановившись глазами на вырезе декольте. – Простите, я не знаю вашего имени...

Я назвалась Магдой Петеши, и задала еще пару вопросов об аукционе и выставяемых лотах. Гитц вежливо отвечал, затем галантно подхватил меня под ручку и предложил:

– Если вам, госпожа Петеши, интересно поговорить о драгоценностях, мы могли бы продолжить беседу в каком-нибудь ресторане.

Я сделала вид, что сомневаюсь, стоит ли соглашаться, а потом кивнула.

В наемной карете мы поехали в один из ресторанов в центре города. Прежде мне никогда не доводилось есть в такой шикарной обстановке: кругом бархат, золото, зеркала... Признаюсь, я немного оробела. А когда подскочивший официант стал предлагать блюда, сыпя французскими названиями, впору было кричать: «Караул!» От вкусных ароматов, плывущих по залу, подводило живот, ведь кроме кружки чая с куском хлеба у меня во рту не было... Нацепив на лицо улыбку, я сказала Гитцу, что не слишком хочу есть и полностью полагаюсь на его вкус.

Пока ожидали заказа, Гитц завел светскую беседу – это оказалось для меня тяжким испытанием. Он говорил о театральных премьерах, спрашивал моего мнения, а мне ничего не оставалось, как только кивать с умным видом и повторять вслед за ним, что такая-то певица просто великолепна, а тенор – ну просто никуда не годится. Чтобы соскочьнуть с незнакомой темы, я перевела разговор на турецкого султана, владельца баснословного изумруда и огромного гарема.

– Жаль, что сегодня мне не удалось вновь увидеть этот замечательный камень. Вчера, издалека, я плохо рассмотрела его.

– Да, камень поразительный и по размерам, и по искусству огранки. Вам нравятся изумруды?

Я кивнула.

– У меня имеется очень красивый браслет с изумрудами. Камни чистые, тонкая ювелирная работа... Вы обязательно должны его посмотреть!

– Хотелось бы. А у султана и правда, была тысяча жен?

– Во всяком случае количество наложниц не поддавалось исчислению. И я его понимаю, – с намеком проговорил Гитц, и на его лоснящейся физиономии появилась плотоядная улыбка, – хранить верность одной женщине – это такая скука...

– Да уж наверно, так оно и есть, – не подумав, ляпнула я, – а то бы девушки на улицах все остались без работы. И куда им тогда, бедным, податься?

Мой собеседник опешил и замер, невольно приоткрыв рот. Я поняла, что выдала себя, и лихорадочно принялась соображать, как поправить положение. Хорошо, что к столику вернулся официант с подносом. Пока он уставлял стол блюдами, я нашлась, как объяснить вырвавшуюся реплику в защиту «ночных бабочек».

– Дело в том, что я занимаюсь благотворительностью в обществе «Кающейся Магдалины». Знаете, что поразительно: ни одна из этих несчастных не занимается своим ремеслом из любви к разврату, всех их толкает на панель нужда. С нашей помощью некоторые из девушек уже вернулись на путь добродетели. Лучше работать горничной и раз в неделю получать честно заработанные деньги, чем ежедневно торговать своим телом, не правда ли?

Вот как ловко я перевернула слова Золтана!

Похоже, Гитц вполне удовлетворился объяснением. Мы приступили к трапезе. Несмотря на голод, я старалась не спешить, ела аккуратно, будто нехотя. Красное вино, которое заказал кавалер, тоже пила по чуть-чуть, боясь захмелеть некстати.

Насытившись и откинувшись на спинку кресла, Гитц оценивающе посмотрел мне в лицо, и сказал:

– Так выходит, вы, Магда – ханжа? Глядя на вас, в жизни бы не подумал!

Не зная, что ответить, я вопросительно приподняла брови. Слово было мне незнакомо, но судя по интонации, быть ханжой не слишком похвально.

– Я имею в виду ваш вид благотворительной деятельности. Неужели вы, такая молодая и красивая женщина, отрицаете радости плоти? Или вы допускаете их только после церковного благословения?

Ах, вот он о чем, старый развратник! Состроив серьезную мину, я ответила:

– Я осуждаю ремесло несчастных «магдалин», но вовсе не исключаю плотскую любовь – по взаимному влечению, само собой.

– А если я скажу, что испытываю такое влечение в данный момент? – понизив голос и пытаясь гипнотизировать меня своими прозрачными голубыми глазами спросил Гитц.

Короче, беседа перешла в нужное русло. Он активно соблазнял меня, а я, постреливая глазками, изображала то смущение, то восторг от его комплиментов. К моменту, когда мы выходили из ресторана, «клиент» уговаривал меня поехать к нему на квартиру, но я делала вид, что колеблюсь. Лишь увидев на той стороне улицы Золтана, который подал условный знак, что все подготовил, я дала согласие.

Гитц уже порядком нагрузился, и вряд ли хотел еще пить, но я, оказавшись в его спальне, опять изображала нерешительность и сказала, что мне необходимо выпить, чтобы расслабиться. Пока Гитц ходил в столовую за вином и бокалами, я достала припасенное снадобье. Потом еще раз выставила его, соврав, что стесняюсь при нем раздеваться. Когда он вернулся, я лежала в кровати со своим бокалом в руке, а ему пришлось взять второй, в котором я растворила снотворное. Мы выпили, и тут мне пришло в голову облегчить работу Золтану. Бог знает, что за сейф у Гитца, вдруг брат не сумеет с ним справиться? Он ведь не настоящий медвежатник.

– Вы говорили о каком-то браслете с изумрудами, хотелось бы посмотреть на него, – я надеялась, что Гитц согласится и откроет сейф прежде, чем подействует снотворное.

Так и произошло.

– Да, дорогая, это вещь удивительной красоты! Сейчас я покажу...

Он отодвинул в сторону картину, висевшую прямо напротив кровати – на ней была изображена обнаженная женщина, лежащая среди шелков и парчи, – и, поколдовав над замком, открыл небольшой сейф, вделанный прямо в стену.

– Вот этот браслет.

В бархатном футляре на белом шелке лежало настоящее произведение искусства: витиеватый золотой браслет с зелеными камнями в обрамлении искрящихся бриллиантов.

– Какая прелесть! – охнула я, и это были первые искренние мои слова за весь вечер. – Наверно, браслет очень дорогой?

– Самое дорогое я храню в глубине сейфа, – медленно проговорил Гитц, берясь за лоб.

Должно быть, снотворное начинало действовать, но он-то этого не знал, потянулся в глубь сейфа, достал оттуда бархатный мешочек и... рухнул навзничь.

Он еще что-то успел пробормотать, когда я вскочила с кровати и склонилась над ним, но почти сразу отключился.

Осторожно вытащив зажатый в его руке мешочек, я распустила завязку и заглянула внутрь. Свет лампы отразился тысячей разноцветных огней. В мешочке оказались бриллианты, множество крупных, прекрасно ограненных камней!

Я задрожала от радости, захотелось высыпать их, пересчитать, полюбоваться, но я взяла себя в руки. Где-то за окном, на тихой темной улице Золтан ожидал моего сигнала.

Я уже сообразила, что окна квартиры выходят на другую сторону, значит, мне следует как можно скорее одеться и по лестнице подняться на чердак. Там я посвечу лампой из окна, а после спущусь вниз и открою брату дверь.

Не прошло и пяти минут, как Золтан с двумя пустыми мешками под мышкой проскользнул в квартиру аукционщика.

– Молодец, Ники! Ты вышла из ресторана такая важная, надменная, что я думал и не взглянешь в мою сторону. Хорошо, что я успел договориться и взять повозку на сегодняшнюю ночь. К чему тянуть, если мужчина клюнул с первого раза, ведь так? – подмигнул он. – Он спит?

– Конечно. И можешь сказать мне спасибо, тебе не придется взламывать сейф, я об этом позаботилась.

– Неужто сама взломала? – выкатил глаза брат.

– Нет, догадалась сделать так, чтобы он его открыл собственными руками. Так что даже если сыщики не врут, что преступника можно найти по отпечаткам пальцев, то твоих отпечатков на сейфе не будет, и моих тоже.

– Ну ты и ловкачка, Ники! Нам с тобой надо на пару работать...

– Не хочу я с тобой работать. Того, что сегодня здесь возьмем, нам должно хватить до конца жизни. Главное – не попасться!

В тот момент я думала, что не оставлю ни одного следа полиции – как я ошибалась! Но главные улики, камни, они все равно не смогли найти.

Прежде всего Золтан прошел в спальню. Гитц валялся все там же, на полу под самым сейфом. На всякий случай брат связал ему руки и ноги веревкой, которая была припасена у него в кармане. И только после этого он занялся содержимым сейфа. Мы нашли крупную сумму наличными, коробочку с античными монетами и несколько футляров с красивыми перстнями и серьгами. Возможно, все это должно было выставляться на аукционе, а может, эти ценности принадлежали самому Гитцу? Впрочем, нас это не волновало. Я протянула брату футляр с браслетом, а мешочек с бриллиантами не показала, решила придержать его для себя. Уж очень мне хотелось начать нормальную жизнь, а Золтан вряд ли расстанется со своими привычками. Даже получив огромный куш, он не откажется от воровства и грабежей.

Обрадовавшись столь крупной добыче, брат оглядел спальню, прихватил часы с каминной полки, еще какую-то серебряную безделушку, и отправился поглядеть, чем еще можно поживиться в этой богатой квартире.

Я пошла следом за ним. Вскоре в мешок Золтана отправились серебряный чайник и сахарница, позолоченные серебряные вилки, ложки, два массивных серебряных блюда, еще кое-что из посуды. Я нашла на полке у зеркала в гостиной золотой портсигар и щетку для волос с серебряной ручкой.

Когда мешки оказались порядком наполнены, Золтан методично связал их и перекинул через плечо.

– Пошли?

– Нет, – покачала я головой. – Лучше нам уходить поодиночке. Ступай, а я выйду минут через пять.

Брат покинул квартиру, а я, вспомнив о золотых часах на толстой цепочке, которые Гитц держал в кармане жилета, вернулась в спальню. Связанный аукционщик лежал на полу ничком, продолжая крепко спать, слегка посапывая. Я быстро сняла с него часы и огляделась. Следовало привести все в порядок, чтобы не оставлять следов. Через носовой платок я прикрыла дверцу сейфа, задвинула на место картину. Я понятия не имела, как действует это снотворное. Может, очнувшийся аукционщик не сразу вспомнит, что открывал передо мной сейф? Потом я взяла свой бокал и ополоснула его под краном на кухне.

Еще раз оглядевшись в спальне, на всякий случай протерев платком дверные ручки, я осторожно выскользнула из квартиры и быстро пошла по ночной улице в сторону своего дома.

Хорошо, что я живу так далеко. Полиции вряд ли придет в голову искать преступников в другом конце города.

Действительно, вышли на меня только спустя некоторое время. Гитц, придя в себя, не сразу очухался, к тому же, ему частично отшибло память, и первоначальные показания от него были весьма скудными. Но главное, моё лицо, он запомнил, и хотя вскоре от нервного перенапряжения он умер, у следствия на руках появились мои приметы (рисованный портрет), а также известие о том пресловутом обществе. Я ведь не от балды про него рассказала – такое действительно существовало. К несчастью, там состояли некоторые мои товарки по профессии. Расспросы, в итоге, вывели полицию на некую Аниту из Залаэгерсега. Имя было вымышленное, но зацепка с городом, в итоге, стоила мне свободы. Мои приметы отослали в родной город, и инспектор Йодль узнал лицо на портрете. С его слов, женщина на нём «как будто похожа» на Тимею Баллак (урождённую Фенчи), но её подозревать нет никаких оснований – женщина приличная, честная, к тому же редко куда выезжала за последние два года. А вот если её сестра, то есть я... С тех пор мой арест стал лишь вопросом времени. Полиция быстро поняла, что Анита из Залаэгерсега и Николетт Фенчи – одно и то же лицо. Как ни странно, я была готова к подобному развитию событий. Но я никого не выдала, мало того, я не сказала никому из братьев о драгоценных камнях, опасаясь, что они могут меня выдать. Я молчала, и ни на следствии, ни на суде, так и не призналась в том, куда же я спрятала всё краденое. Я будто смирилась со своей судьбой. В конце концов, я ради семьи на всё это пошла. Я считала своим долгом спасти прозябающих в нищете братьев. А ведь я вполне искренне верила, что Виктор забросит карточные игры, а Барнабас начнёт учиться... Наивно, конечно, так думать, но хотя бы они не будут знать нужды ближайшие несколько лет. Я обязательно расскажу, где тайник, но только не сейчас – слишком ещё свежи в памяти те адские дни, особенно то, как Тимея плакала и умоляла меня сознаться во всём.

Теперь всё позади. Даже не верится, что я пережила всё это. Моё нынешнее положение уже не выглядит таким отчаянным.

Но вот, утро. По этажу ходит конвойный и будит всех заключённых.

Сегодня первый день из моих десяти лет, что я должна провести здесь, на каторге.

Глава 4. Письмо

– Подъём!

Голос дежурного унтер-офицера вырвал меня из сна. Вот гад! За окном едва светало. Этот первый момент, когда видишь зарешеченное окно – самый тяжелый, потому что только во сне я забываю, где нахожусь. Кажется, уже целая вечность, как я здесь, а ведь прошло всего три месяца из тех десяти лет, что я должна провести на каторге... Если бы нам давали побольше поспать, было бы значительно легче, и время пролетало быстрее.

С большим трудом я оторвалась от скомканного тюфяка и спустила ноги на пол. Спину нещадно ломило от тяжелой работы, которой нас ежедневно заставляли заниматься.

Поднявшись с нар и потянувшись, чтобы размять кости, я прошаркала в угол камеры, плеснула в лицо водой из кружки, утерлась и начала причесываться.

– Ради кого стараешься, Ники? – раздался хриплый смешок Анны. – Думаешь, здесь можно подцепить богатого кавалера? Хоть умывайся, хоть причесывайся, все равно ты стала бледная и тощая. А скоро превратишься в такую же «красавицу», как я. Вот увидишь, года не пройдет, и тебе станет плевать, как ты выглядишь.

Мне не хотелось ей верить. Все-таки между нами большая разница. Анна – волчица-одиночка, на воле ее никто не ждет, никто о ней не заботится. А меня поддерживает семья: как бы там ни было, мы, Фенчи, всегда держимся друг за друга. Брат Виктор живет как раз в Дебрецене. Раз в месяц я получаю от него передачи, и в каждой посылке обязательно имеется записочка с приветами от сестры и братьев. Я сразу узнавала по почерку, кто именно писал. Каллиграфический, выхолощенный почерк принадлежал Эрику, немного корявый и растягистый – Тимее, беличий – Виктору, с уклоном вверх – Золтану, а дёрганный и обтёсанный принадлежал Барнабасу. Для меня это как глоток свежего воздуха, ведь в конце концов то, что сделала — я сделала ради их будущего благополучия. А еще я надеюсь, что продукты, сменное белье, мыло и прочие нужные мелочи, которые присылает Виктор, помогут мне не отощать окончательно и не опуститься, как Анна.

Изменилась я и впрямь разительно – ногти расслоились, сама я стала сутулиться. С меня всё будто слезло – лицо стало бледно-серым, а руки какими-то костлявыми.

Все-таки хорошо иметь семью. Оставшись без родителей, мы бы не выжили в нищете, но старшая, Тимея, заботилась о нас, как мать. Теперь Виктор помогает мне продержаться в тюрьме. Странная штука природа. Вот взять Виктора с Эриком: они близнецы, но ни внешностью, ни характером не они схожи. Эрик, как говорится, «пороха не выдумает», а Виктор наоборот, парень изобретательный, хваткий. Ещё мальчишкой он наловчился играть в карты, а когда вырос, это стало его профессией. Но шулеры часто попадают в лапы полиции, и Виктор сообразил, что можно добывать деньги «на колесах». Обычно в поезде люди скучают, кое-кто не прочь скоротать время за игрой в карты. Этим и решил воспользоваться мой братец. Когда в вагон входит скромный на вид прилично одетый молодой человек, никому в голову не приходит, что перед ними опытный шулер. К тому же Виктор не дурак, сперва он обязательно проигрывает по мелочи, при этом очень артистично изображая отчаяние новичка. А когда партнеры расслабятся, он начинает постепенно выигрывать, и под конец игры ему удастся основательно облегчить их карманы. Он говорит, что главное в его деле — успеть сойти с поезда прежде, чем люди сообразят, что связались с профессионалом. До сих пор брату сопутствовало счастье: он ни разу не прокололся. Но кто знает, возможно, кто-то из облапошенных им заявил в полицию и там уже имеются приметы Виктора? Вот почему он сам опасается появляться поблизости от тюрьмы, посылки мне передает его знакомый.

Каждый раз, когда я разбираю полученную посылку, Анна будто коршун кружит вокруг меня, заглядывает через плечо завидушими глазами. Продолжая немного опасаться ее и пытаюсь задобрить, я делюсь своими продуктами: кто знает, что взбрдет в голову сумасшедшей?

Несколько лет не видевшая ничего, кроме тюремного пайка, поджигательница с жадностью набрасывалась на крендельки, колбасу и сыр. Я заметила, что после угощения Анна заметно добреет, пускается в длинные разговоры, расспрашивает меня о семье.

Она поднялась с нар после меня, но ни умываться, не причесываться не стала, просто перевязала косынку, спрятав под нее спутанные космы. Волоча свои огромные башмаки, Анна поживаясь расхаживала по камере, и вдруг спросила:

– Когда ты ожидаешь следующую посылку от брата?

«Ага, – злорадно подумала я, – колбаски захотелось!»

А вслух ответила, что не знаю, когда у Виктора появится такая возможность. Может, его сейчас и в Дебрецене нет.

– Ах да, он ведь у тебя картежник-гастролёр! – хмыкнула Анна и вроде как задумалась. – А скажи, твой Виктор по всей Австро-Венгрии катается?

– Как придется.

– До Вены ездит? Или хотя бы до Инсбрука?

Я пожала плечами. Виктор мне о своих маршрутах не докладывал.

– Это ведь надо немецкий знать, чтоб австрийцев облапошить, а, Ники? Твой брат по-немецки говорит? Вообще кто-нибудь из Фенчи знает немецкий язык? – продолжала допытываться Анна.

Она так уставилась на меня своими провалившимися водянистыми глазками, что в голову невольно пришло: неспроста такие странные вопросы. Что задумала эта волчица? Не исключено, что она просто испытывает меня. А может, собирается попросить о какой-то услуге?

Я уже хотела ответить, вернее спросить, при чем тут немецкий язык, как загремели засовы железной двери, она распахнулась и из коридора послышался окрик:

– На выход!

Нас выгоняли на работу. Нас поставили строем и отправили во двор, где после переключки мы и отправились работать. Я проделывала этот маршрут раз за разом и всякий раз с тоской смотрела на верхушки домов и ратуш Дебрецена. Так желанная свобода была близка, но недостижима.

На работе я вела себя тихо – не пререкалась и не отлынивала, потому кандалов я не носила. У меня до сих пор стоят перед глазами эти ужасные рубцы на ногах Анны. Она слыла буйной, оттого и работала закованной. Сегодня я долго думала, зачем она спросила меня про семью, вернее о том, кто из нас хорошо знает немецкий? Неужели она устроила мне «проверку на вшивость»? Зачем ей знать это? Должно быть, она решила кому-то из нас писать письма. Не факт, что братья обрадуются, узнав, кто им пишет. Но тогда тонкая ниточка доверия между мной и Анной может оборваться раз и навсегда. Я помнила, как буквально оживала эта ходячая мумия, когда я читала письма.

Зигель не слишком-то и преувеличивала, говоря, что здесь много убийц. С некоторыми из них мне даже довелось пообщаться. Совсем уж блёкло на фоне своих соседок по камере выглядела Каталин Таллаш, задушившая подушкой собственного ребёнка, зато Агнеш Гара из Трансильвании стоила всех своих соседок вместе взятых. Из того, что рассказала мне сама Агнеш, и по секрету поведали другие, я узнала много интересного. Когда-то в Трансильвании орудовала жестокая банда, промышленявшая разбоями, кражами и похищениями людей. Замешаны в преступлениях были целые семьи. Работал этот подряд, как часы, и сама Агнеш со своим мужем вовсе не были заблудшими овечками и помогали своим главарям, коими являлись братья Бела и Беньямин Рац, совершенно осознанно. Оба брата получили прозвище «мяс-

ники», и надо полагать, не за красивые глаза. Во всю шайку входило восемь человек, в их числе были и женщины, в основном, на роли наводчиц. Однако в убийстве квартирных хозяев Агнеш приняла самое прямое участие. Это был единственный раз, когда братья Рац не участвовали в преступлении. Тем не менее, это не спасло шайку от ареста, а Беньямина Раца – от виселицы. Он был единственный, кого приговорили к смертной казни, остальные же отделались длительными сроками заключения.

Однако сама Агнеш уверяла всех и вся, что принимала участие лишь в одном убийстве, да и то всё вышло практически случайно, а виной всему следователь, который обещал сперва проверить алиби самой Агнеш и её мужа, а тут вдруг взял и обманул. Получалось, Агнеш и вовсе оказалась не в то время, не в том месте. Однако вряд ли человек, оказавшийся «не там и не тогда» будет считаться самым опасным обитателем тюрьмы после Анны Зигель, рядом с которой меркнут все здешние убийцы.

К слову, мало кто из каторжниц признавался, что сознательно шёл на преступления, каждая из них обязательно сочиняла душераздирающую легенду о своих мотивах, а потом, возможно, сама же искренне и начинала в неё верить. Однако не мне судить кто из них есть кто, особенно учитывая, что сама здесь нахожусь.

– Мелкий что, так и не хочет учиться? – спрашивала она, когда очередь доходила до Барнабаса.

Мой младший брат и впрямь учился из-под палки. На уроках он считал ворон и еле-еле выезжал на тройки. Однажды он уже был второгодником, а ведь мы добрую половину нашего скромного семейного бюджета тратили именно на оплату обучения Барнабаса. В школе он слыл хулиганом и прогульщиком, часто пропускал уроки и, как следствие, ему многое приходилось досдавать. Но вся соль в том, что когда-то в этой же школе учился Эрик, один из лучших выпускников последних лет. Звёзд, правда, с неба не хватал, но безбедную молодость он себе обеспечил. Дурная репутация нашей фамилии помешала ему стать журналистом, но выход нашёлся довольно быстро – наш средний брат на дому занимался корректурой и переводами, знал несколько языков, в том числе, немецкий. Его уровень позволял ему не только свободно разговаривать на этом языке, но и вести переписку, и читать художественную литературу. Мало того, он мог ещё и заниматься гравировкой, и подделать любую подпись. Как-то раз он чуть не прогорел на этом, но пронесло – полиция просто доказать ничего не смогла, а слухи не могут служить весомыми доказательствами вины подозреваемого.

Вечером мы вновь оказались в камере. Анна достала припрятанное под тюфяком яблоко и, начав его уплетать, вернулась к теме нашего разговора.

– Ну так что, кто из ваших знает немецкий?

Я надеялась, что за день она забыла об этом, но не тут-то оно было. Похоже, она решила устроить мне проверку на вшивость. Волчица в человеческом облике впервые за много дней почувствовала человеческое тепло и, похоже, сама не верила в это. Я действительно относилась к ней хорошо, даже припадки терпела. Теперь у неё появилась отдушина – спасение от чувства нарастающего одиночества. Вот только как отнесутся к этому мои братья и сёстры? Я сейчас серьёзно рискую. Отказать – значит оборвать нить доверия, и настроить против себя Анну, в другом случае можно было столкнуться и с непониманием братьев. Тимея тоже едва ли одобрит дружбу с убийцей.

– Ну... Я, конечно, знаю немецкий, но так, посредственно. Виктор знает – он часто в Австрии бывал. Только дома он появляется редко. Зато Эрик всегда там – он на дому работает. Занимается ещё и переводами.

– То, что нужно! – воскликнула Анна. – Мне даже некому было написать. А я ведь тогда сильно простыла. Думала, всё – ноги протяну, а меня и забрать некому – родители от меня отреклись, друзей нет, в общем... Полная пустота, – с горечью вздохнула Зигель. – Если никто не ответит, то... То оно и понятно – кому хочется марать руки об убийцу?

О нет, у Анны, кажется, начинается припадок! До сих пор я стоически переносила подобные состояния соседки, но сейчас, когда я была напряжена до предела, я рисковала не выдержать и сорваться. Сказывалась и усталость после рабочего дня.

Удивительно, но в этот раз Анна вела себя поспокойнее – она просто сидела на нарах и, прижавшись спиной к стене, нервно хохотала, причём смех этот был попеременно с всхлипами. Похоже, она совсем одичала. Я решила всё же подстраховаться и буквально на полях листа сделала краткое предписание Эрику: «ответь на оба письма». Мой брат достаточно сообразителен, чтобы понять, в каком я положении.

– Всё хорошо, Анна, – неожиданно для себя я приобняла сокамерницу, та не сопротивлялась. – Мы – люди понимающие, потому тебе обязательно ответят.

– Да... Да... Кому, как не преступникам понимать меня? – сглотнула она. – Вы ведь там один другого краше. Ну, а если за убийство сижу, так вы, мадьяры, живодёрство впитали с молоком матери. Мои братья по разуму...

Анна резко дёрнулась и ударилась головой о стену. Она изо всех сил, стараясь как-то сдержать себя, обхватила себя руками, вцепившись в одежду. Лишь её голова продолжала дёргаться, а сама она – издавать какие-то непонятные звуки.

Прошло ещё три недели. Я получила очередную посылку, а вместе с ней – письма. Вот пять листов написано на венгерском, а ещё один... На немецком.

– Анна, это тебе! – крикнула я, показав бумажный лист.

– А ну дай! – Зигель чуть ли не с руками вырвала у меня заветное письмо. – Это же, ты же... Господи, ответил!

Она взобралась на свою полку и, отвернувшись к стене, начала читать про себя. Казалось, она уже прожгла дыры в этом несчастном листке, но продолжала их читать раз за разом. Она опять легла на бок и какое-то время лежала недвижима.

– Анна, всё в порядке? – спросила я, слегка дотронувшись до её плеча.

Та медленно повернулась ко мне и, присев, тяжело вздохнула. Казалось, впервые я вижу что-то человеческое во взгляде волчицы.

– Жизнь пусть ей наказанием будет, – пробормотала она. – Дитрих сказал это тогда, перед судом... Это и впрямь хуже. Хуже всякой смерти.

Она продолжала покачиваться, словно маятник, а я терпеливо наблюдала за ней. Похоже, она предпочла бы болтаться в петле, чем ждать чахотки или какой другой кончины здесь, в тюрьме. Она уже обмолвилась о том, что боится того, что некому будет забрать её тело и помочь освободиться после смерти. Теперь, кажется, у неё появилась надежда. Я взяла лист и принялась вчитываться. Конечно, мои познания немецкого были существенно ограничены, оттого что писал Эрик, я понять не могла. Немецкий мне давался плохо. Однако кое-что я по смыслу улавливала. Вот те раз! Оказывается, наш заклятый враг Йодль протянул моим братьям руку помощи тогда. Вот почему меня прекратили таскать на допросы, и даже условия содержания стали более-менее человеческими. Почти как здесь.

– Видишь, Анна, всё хорошо, – улыбнулась я.

Впервые я видела Зигель столь счастливой и живой. Мне даже казалось, что эта ходячая мумия с безжизненным взглядом в кои-то веки стала похожа на человека.

Глава 5. Неожиданный союзник

Прогулки в тюрьме были редкостью. Нас выводили во двор, где можно было размять ноги, поболтать друг с другом и вдохнуть свежего воздуха. Эта кратковременная свобода казалась такой сладкой после мрачного сидения взаперти. У меня внутри возникало ощущение полёта – наверное, так чувствует себя птичка, которую выпустили из тесной клетки. Оживали самые прекрасные надежды, хотелось радоваться жизни, смеяться, общаться с людьми.

На прогулках заключённые охотнее беседовали, делились своими злоключениями, давали друг другу житейские советы. Многие девушки и женщины были обычными воровками и мошенницами, но держались дружелюбно. Мне было интересно их послушать. Только Зигель, по-прежнему, мрачно молчала. Сколько я не пыталась завязать разговор, она предпочитала бродить в одиночку, гоняя носком башмака мелкие камушки.

Сегодня я ждала визита Эрика. Несколько дней назад он написал, что получил разрешение на свидание, и сразу же купил билет на поезд до Дебрецена. Мне не терпелось поскорее увидеть брата и узнать кое-какие подробности, которые он вскользь перечислил в письме к Анне. Я не совсем поняла, о чём шла речь. Странно, что Эрик скрыл это от меня, раньше он во всём мне доверял.

Около полудня меня вызвали надзиратели. Они сообщили, что приехал мой брат, и начальство разрешило нам встретиться прямо сейчас. До самой комнаты свиданий я почти бежала за конвойным. Сердце у меня колотилось, руки были ледяные. Ведь я так давно не видела никого «с воли»!

Конвойный распахнул дверь, и я увидела Эрика, сидевшего за столом. Он был в летней рубашке с коротким рукавом. Лёгкая куртка, снятая из-за жары, висела на спинке стула. Лицо у брата было невозмутимое. Он барабанил пальцами по столу и скучающе обводил взглядом серые казённые стены.

Конвойный впустил меня в комнату, а сам вышел. Едва дверь захлопнулась, я бросилась к Эрику на шею. Мы обнялись, и я почувствовала, как к моей безумной радости примешивается тоска – ведь следующее свидание разрешат лишь через месяц. От смятения чувств я не могла говорить, и лишь прерывисто вздыхала.

– Тихо, тихо, девочка, – улыбнулся брат. – Не рви нервы понапрасну. Как ты изменилась, Ники. Худая, ужас!

– Может быть, – растерянно сказала я.

Эрик вынул из внутреннего кармана пиджака зеркальце и подал его мне. В первый раз после ареста я смотрелась в зеркало. Кошмар какой! Маленький кусочек стекла отражал лицо по частям. Но всё равно было видно – я стала изжелта-бледной, как человек, перенесший тяжёлую болезнь. Под правым глазом видна тёмная впадина. Кто бы сейчас узнал во мне прежнюю красавицу Ники? Только теперь я заметила мозоли и ссадины, покрывающие мои руки. Возникло гадливое ощущение, что всё тело гниёт заживо.

– Ну, как у тебя дела? – мягко спросил брат.

– Да ничего, – сказала я, вытирая набежавшие слёзы. – Спасибо вам, пока живая. Худо-бедно, но кормят, с голоду не умираем. Газеты читать приносят. А у вас что нового?

– Всё как обычно, – пожал плечами Эрик. – Барнабас наконец-то закончил школу. Никто уж не верил, что такое чудо возможно! Он частенько гостил у Тимеи, а её мальчишки недавно пошли в школу. Представляешь, чему бы он их там обучил?

– Кто знает, – засмеялась я. – Он же не всегда был таким лоботрясом. Сначала считался вполне хорошим учеником, а потом только начал бездельничать.

– Знакомая история. Представляешь, как бы удивились мои педагоги? Они ведь меня ставили всем ученикам в пример, и фото моё до сих пор красуется на школьной доске почёта... Виктор особо не блистал, но и отъявленным шалопаем не был.

Тут я перебила брата. Вспомнились его странные намёки в письме к Зигель.

– Эрик, – быстро спросила я, – ты писал Анне, что Йодль помог разоблачить тех самых полицейских. Как это произошло? Ты мне не говорил.

– Приходилось скрывать это. В письме всего не напишешь – здешнее начальство наверняка всё читает. Если бы не Йодль, ты бы, скорее всего, не дожидаясь до дня суда. Так бывает в жизни, девочка – друзья предадут, а враги помогают.

Эрик начал рассказывать, и я слушала, затаив дыхание. Видно было, что брат устал хранить это дело в секрете, и теперь ему хотелось выговориться.

Зима выдалась довольно ранней. Декабрь только начался, но на улице было холодно. Землю покрывала тонкая пленка снега. Уже третий день в городе отчаянно выл ветер, ломая ветки деревьев и срывая шляпы с прохожих. В эту промозглую погоду гулять не особенно хотелось, но мне надо было отнести в редакцию рукописный перевод документов, где их останется только напечатать и оформить в надлежащем виде. Собственно, я работал на дому, занимаясь корректурой и переводами. Это было довольно утомительно – просматривать кипу листов и выявлять там опечатки, ошибки. К концу дня у меня уже затекла спина, болели глаза, голова отказывала. Стоит ли говорить про вечно синие от чернил пальцы?

Жили мы бедно. Дом маленький, убогий, весь в уродливых заплатках – так когда-то отец латал дом, чтобы зимой не продувало, а зимой было холодно – всегда мы были вынуждены тепло одеваться. Забор наш покосился местами, ворота ржавели. Двор маленький, но там вполне умещались пёс, птичник и небольшой огород. В последнее время всё хозяйство было на мне, поскольку братья и сёстры давно разъехались кто куда. Теперь в этом доме жили только Барнабас, да я. Но младший брат был балбес, каких ещё поискать – вечно забывал сделать что-то важное, у него постоянно то куры, то пёс ходили голодными, хотя именно он больше всех хотел собаку-гиганта. Пёс вырос дурным, под стать младшему братцу, и похоже, Барнабас нашёл себе родственную душу.

В этот день я дома не застал ни собаки, ни младшего брата. Видимо, они ушли гулять. Однако стоило мне зайти на порог, я почувствовал, что дома кто-то есть. Я чуть приоткрыл дверь и осторожно заглянул внутрь. Красть у нас, в общем-то, и нечего – кому нужна ветхая мебель и довольно дрянные вещи? Через небольшой угол обзора можно было подробно рассмотреть и нашу гостиную, служащую мне рабочим и спальным местом – здесь всё мало чем отличалось от обстановки в других комнатах. Сама же гостиная была просторная, но довольно низкая, и фанерный потолок, так и повисший над головой, создавал какую-то гнетущую, давящую обстановку. Мебели было мало – старенький шкаф, поеденный тараканами, стол на хилых ножках, да прохудившаяся кровать, которую я подпёр кирпичом посередине, чтоб не провалилась окончательно. Обои были изодранные, обветшалые и казалось, держатся на одном лишь честном слове. Барнабас жил в соседней комнате, такой же обшарпанной и мрачной, как все остальные. Даже странно, как восемь человек могло уместиться в таком маленьком домике. Однако мы умудрялись не только жить здесь, но и строить далеко идущие планы. Может быть, после выпуска Барнабаса из школы, я наконец смогу заняться ремонтом. Если не считать затрат на учёбу младшего брата, получаю я довольно-таки хорошую зарплату, да и вряд ли бы мы без денег протянули мою учёбу в университете. В те года учителя всячески нахваливали мою способность к науке, особенно к литературе и иностранным языкам. Я знал не только немецкий, но и некоторые славянские языки, что позволяло существенно расширить горизонт моих возможностей.

Осторожно войдя в дом, я застыл. В гостиной на диване сидел не кто иной, как инспектор Йодль. Это был мужчина лет сорока пяти, роста небольшого, и не сказать, чтобы прям толстяк, но брюхо было видно невооружённым глазом. На его тщательно выбритых щеках виднелись небольшие ссадины. Причёска всё та же – короткий ёжик чёрных с проседью волос. Его круглое, немного морщинистое лицо, было довольно флегматичным, сам он смахивал на мастера средней руки какого-нибудь производственного цеха, в силу возраста потерявшего былую форму и хватку. Взгляд его светлых, близко посаженных глаз, был вечно сосредоточенным, при этом он постоянно водил ими из стороны в сторону, словно намереваясь выискать что-то. С виду и не скажешь, что это многоопытный сыщик, работающий в полиции вот уже два десятка лет, и раскрывший множество запутанных дел. Когда-то наша семья изрядно попортила ему кровь, потому теперь он нас держал на прицеле. После ареста Ники он часто напоминал о себе, хотя в последнее время он как-то утратил к нам былой интерес, очевидно поняв, что мы ничего не знаем о том, куда Ники спрятала краденые драгоценности.

– Добрый день, господин Фенчи, – поздоровался он, привстав.

При этом его даже не смущало то, что он проник в наш дом в отсутствие хозяев и без санкции на обыск. Этот нахальный сыщик нравился мне всё меньше.

– По какому праву вы вламываетесь в наш дом? – я с порога перешёл в атаку. – Без постановления на обыск и без нашего согласия! Вы прекрасно знаете, что это незаконно. Убирайтесь!

Я всё ещё был зол на инспектора за то, что допрашивал нас до почти полного изнеможения, и в итоге довёл Тимею до нервного срыва.

– Полно, голубчик, полно, – он миролюбиво поднял руки. – На то, чтобы, как вы выражаетесь, «вломиться» в ваш дом, у меня должна была быть веская причина, иначе... – он сознательно недоговаривал, пытаясь спровоцировать меня на новую вспышку агрессии.

– Какая такая причина? Мало того, что благодаря вам мы теперь как на иголках, так теперь вы сюда ломитесь без спросу! Вон!

– Полно кричать, юноша, – усмехнулся Йодль. – У меня нет никакого намерения обременять вас своим присутствием, но прежде хотелось бы вам кое-что рассказать. Видите ли, ваша сестра Николетт, с тех пор как была арестована, не созналась в разбое, в частности, в том, куда спрятала краденое. Я думаю, она и вам не сказала. Она упряма весьма, и это может плохо кончиться для неё. До меня дошли сведения, что арестованная Фенчи терпит много грубости от наших будапештских коллег. И похоже, движет ими исключительно корыстный мотив.

– Вы хотите сказать, что... – я на секунду оторопел, представив, что сейчас испытывает Ники. Я был готов сейчас хоть пешком сорваться и идти стремглав в Будапешт, лишь бы помочь сестре. Вот только самого Йодля можно было бы заподозрить в чём угодно, кроме желания помочь своему давнему неприятелю.

– Довольно странно с вашей стороны, инспектор, – я решил взять себя в руки. – Вы сейчас стремитесь помочь тем, с кем давно не в ладу, мало того, говорите откровенно о преступлениях, что совершают ваши коллеги.

Йодль посмотрел на меня сначала иронично, затем – серьёзно, после чего взял в руки свой портфель и, приоткрыв замок, достал оттуда несколько листов бумаги, после чего ответил:

– Понимаете ли, господин Фенчи, я – человек принципа. Я узнал, кто ведёт дело вашей сестры. Его фамилия Надь. Как и любой представитель нашей профессии, он весьма амбициозен. И порой неразборчив в средствах достижения цели. Зачастую они выходят не только за рамки порядочности, но и за рамки закона... Вы помните дело «ночной твари»?

Я задумчиво прищурился, вспоминая целый рой газетных статей о бесчинствах грабителя-гастролёра, создавшего целую преступную сеть, охватившую чуть ли не всю Австро-Венгрию. Личность его давно не была тайной, порой он оставлял записки для полицейских, тем самым навязывая свою игру. Например, такого содержания: «Завтра я отправлюсь в Лемберг,

оттуда уже рукой подать до границы. Поспешите, второго шанса не будет». Эти издевательские послания он оставлял то ли с целью потешить своё тщеславие, то ли побольнее ужалить полицию, которая вот уже который год не может пресечь серию дерзких налётов. Звали его Маттеуш Гудачек, к своим тридцати трём годам он уже дважды успел побывать за решёткой. За всю жизнь он не провёл и дня на честной работе, если не считать за таковую разбои, грабежи и кражи.

Пресса подняла настоящую шумиху, особенно отличился будапештский журналист Вазул Меланьи, не щадивший желчи в своих статьях, прямо намекая, кому венгры должны быть благодарны за продолжающийся кошмар, говоря о том, как полиция работает спустя рукава, и как ловко Гудачек в очередной раз обводит их вокруг пальца, хотя казалось бы, почерк его изучен, маршруты и явки – тем более.

– Думаете, можно к этому придраться? – с сомнением спросил я.

Йодль в ответ развёл руками:

– Видите ли, моя должность даёт некоторые привилегии, но в то же время, связывает меня по рукам и ногам по части поиска вещественных доказательств. Да и доказательства, добытые таким образом, невозможно использовать в суде, скорее с меня самого погоня слетят. Но вы, в отличие от меня, ничем не ограничены и можете повлиять на ход дела. Со своей стороны я лично гарантирую, что разговор останется только между нами.

С тем и ушёл. Я решил немедленно отправиться в Будапешт к Вазулу, благо помнил, где он живёт. Какое-то время я помогал ему с написанием статей, исправлял ошибки. Этот журналист постоянно путал запятые – либо пропускал их, либо лепил, куда ни попадя. Я не раз говорил ему об этом, а он, разводя руками, объяснял, что в длинных предложениях он откровенно «плавает». Однако платил он всегда в срок, и платил достаточно хорошо, потому ради такого заработка можно было и потерпеть.

Я не видел его уже довольно давно, с тех самых пор, как закончил университет и уехал домой, в Залаэгерсег. Но я думаю, он не откажется по старой памяти помочь мне.

Я прибыл в Будапешт на следующее утро, и тотчас направился на улицу, где жила семья Меланьи. Когда после звонка дверь открыла его жена Ирен, я не сразу узнал её. Располнела она после замужества, то ж была стройная, видная женщина, а теперь как-то быстро потеряла форму.

– Вам кого? – спросила женщина, оглядывая меня с головы до ног.

– Добрый день, – улыбнулся я, пуская в ход своё природное обаяние. – Муж ваш дома?

– А где ж мне ещё быть? – отозвался сам Вазул и вышел в переднюю. – Вы кто, юноша? – спросил он, очевидно, не узнав меня.

– Кто сожрал все ваши запятые? – в свою бытность корректором я не раз задавал такой вопрос Вазулу, и он тотчас вспомнил меня.

– Эрик Фенчи! – воскликнул он. – Сказал бы, что в гости собрался, я бы тут организовал чего-нибудь... – Ирен ушла в комнату, а Вазул, выйдя за порог, спросил: – Ну что, какими судьбами?

– Э-э... Знаешь, Вазул, есть тут у меня одно дело... Ты мне очень поможешь, если расскажешь о «подвигах» одного немного зарвавшегося легавого.

Меланьи понял, что это лучше обсудить с глазу на глаз и, переодевшись в уличное, вышел вслед за мной. Мы зашли в небольшой трактир, где Вазул, развалившись на стуле, спросил:

– Ну что же, Эрик, рассказывай.

– Видишь ли, моя сестра Ники попала за решётку. Легавые сильно давят на неё. Её дело ведёт некто по фамилии Надь. Тебе эта фамилия ни о чём не говорит? Ты много что знаешь о нём, например, ты вроде писал о том, что он упорно не хотел выпускать человека, задержанного по подозрению в участии в банде «ночной твари». Нельзя ли к этому придраться?

– Мудрено, друг мой, мудрено, – покачал головой Вазул. – Конфликт официально исчерпан, полиция принесла свои официальные извинения. Сомневаюсь, что у тебя что-то может получиться.

Надо немедленно ехать в Будапешт! Только сперва дождусь Барнабаса, да найду Виктора. Он как раз недавно вернулся в наш родной город, и как это часто бывает, целыми днями болтал с нами обо всём, что с ним случилось. Он не имел постоянной работы, перебивался случайными заработками, ну и, разумеется, не забывал и об азартных играх. Как правило, карточный шулер, если он новичок, сразу обдирает свою жертву, как липку, и на этом прогорает, попадая в руки полиции. Профессионал же устраивает настоящие «качели» то проигрывая, то выигрывая по мелочи, а потом, взяв солидный куш, удирает.

Искать брата долго не пришлось – он коротал день в бильярдной, как обычно. Страсть к азартным играм никуда не исчезла, а об его умении надувать в карты соперников, были наслышаны все. С ним решался играть только Лайош, да и то своими картами и в комнате без зеркал. Как я понял, сегодня Виктор был в большом выигрыше. Даже не хотелось как-то прерывать его игру, но пришлось.

– Виктор, – позвал я. – Сворачивайся, дело есть.

– Что такое? – спросил он, готовясь к удару, а после того, как загнал мячик в лунку, повернулся, наконец, ко мне.

– Едем в Будапешт. По дороге объясню.

– Да подожди ты, видишь, как мне везёт! – с задором отозвался братец, однако следующий удар смазал.

– Я сказал: срочно! Пошли уже.

Виктор попрощался с игроками и, накинув куртку, последовал за мной. В детстве мы постоянно соперничали между собой, но в чём были едины, так это в намерении командовать младшими. Когда ещё Барнабас был маленький, слушался нас беспрекословно, но как подросток, то всё – старший брат ему больше не авторитет. Справедливости ради стоит сказать, что и Тимея имела такие же проблемы с нами. Представляю, как часто она теперь с улыбкой вспоминает времена, когда пыталась отучить нас хулиганить. Но наверное и к лучшему, что я оказался в шкуре старшей сестры, теперь я куда лучше понимаю её.

– Ну ничего, – говорил Виктор с некоторым сожалением. – Всё равно в игре главное – вовремя остановиться. Так, а что теперь делать?

– Иди домой, собери вещи, я пока телеграмму Золтану отправлю. Надо ещё узнать за поезда на Будапешт. Потом поедем. Дело серьёзное, потому не подведи.

Следующим утром мы уже ехали в поезде. За окном замельтешили деревья, да одинокие полустанки. Обычно в поезде я дремал всю дорогу – осталась привычка со времён студенчества. Иногда перед выходными я пропускал последние лекции, поскольку следующий поезд ехал только через три часа, а домой прибывал затемно. Товарищи часто прикрывали меня, но однажды всё-таки факт моих самовольных уходов всплыл, из-за чего я едва не лишился стипендии. Как раз на последнем курсе я пораньше ушёл, чтобы успеть на поезд. Как выяснилось, профессор тогда проводил привычную всем переключку, и когда дошла очередь до меня, слово «здесь» выкрикнули сразу с трёх мест. Естественно, он понял, что я самовольно ушёл, никого не предупредив.

– Вставай, – крикнул Виктор. – Приехали!

Поезд, наконец, остановился, и в ту же минуту пассажиры и пассажирки, торопливо схватив багажи, поспешили к выходу. В этой давке легко было потеряться, потому мы с Виктором, выйдя из вагона, сразу отошли в сторону и направились к зданию вокзала, стремясь укрыться от мерзопакостного ветра, пронизывающего буквально до костей. Мокрый снег – обычное явление для ранней зимы, оттого было даже холоднее, чем в самый пик морозов.

– И ведь представляешь, – делился Виктор. – Я уже был готов куш сорвать, а на тебе – конечная. Скудный сегодня навар, скудный.

«Кто о чём, а вшивый – о бане», – с усмешкой думал я, выслушивая тирады разочарованного шулера. Сегодня ему не повезло, ничего не поделаешь. Золтан пока не появился, и я начал волноваться. Конечно, наш брат узнал бы нас, но не факт, что он не проглядел нас в толпе. В это время, когда часы на башне пробили полдень, я почувствовал чей-то лёгкий толчок в спину. Я от неожиданности отпрянул и, повернувшись, увидел бледное лицо Золтана.

– Куда вы запропастились, а? – спросил он. – Ищу тут вас в толпе, ищу...

– Ну так встал бы на перроне, – парировал Виктор. – Встретил бы нас сразу.

– Э не, – покачал головой брат. – Я не могу лишний раз светиться.

– А чего так?

– Ну ты даёшь, – помотал головой Золтан. – Я, знаешь ли, в розыске. Вот только ищут меня, конечно, не особо – у полиции и без меня забот хватает...

– Например, присвоить себе чужие ценности.

От такой новости мои братья остолбенели. Золтан покосился на меня с недоверием, а Виктор даже решил пощёлкать пальцами у моего носа, проверяя, не случилось ли у меня помутнения рассудка. Но нет, всё нормально, я в здравом уме и твёрдой памяти. Разговор с Йодлем я не стал пересказывать, поскольку у нас был уговор, что всё между нами. Да и упоминать лишний раз отошедшего от дел журналиста Меланьи посчитал лишним. Золтан, очевидно, понял, что к чему, и мы направились к остановке трамвая.

– Вот, – достал несколько папок. – Здесь есть досье на человека, что ведёт дело Ники. Не так давно я узнал, что в тюрьме на неё давят. Сильно давят. Это объясняет отказы в свиданиях.

– Откуда у тебя такой солидный компромат? – присвистнул Золтан. – И не проще ли этому слегка оборзевшему сыскарю просто морду набить?

– Вот потому, Золтан, тебе не быть разведчиком, – усмехнулся я. – Ты лишь резаться горазд. Нет, мы, конечно, объясним ему, что так лучше не делать, но эти документы – ещё и наша защита. Если я обнародую их, не отмоется никто. С кого-то из легавых слетят погоны, а кто-то окажется за решёткой, – я покрутил запястьями, изображая арестанта.

– Постойте! – вмешался Виктор. – Не кажется ли вам, что нас могли и надуть? Сам Эрик не мог достать такие документы.

– Вот потому мы и проверим кое-что, – заметил Золтан. – Одного из «клиентов» я как раз знаю. Спросим у него и сверимся.

Свидание разрешили лишь однажды, тогда в тюрьму поехала сестра. Тимея вернулась позже, при этом она была точно раздавленная – ни слова внятно произнести не могла. Уже тогда я почуял неладное, но всё равно рассказ Йодля стал для меня неприятным сюрпризом. Конечно, Ники совершила преступление и за это должна ответить, но для начала необходимо было, чтобы она дожила до суда.

Мы высадились на незнакомой нам прежде улице и, перейдя на другую сторону, свернули в переулок. Здесь, за фасадом красоты и благополучия, прятались обшарпанные и довольно унылые дома. «Почему-то чувствую себя, как дома», – с иронией подумал я. Золтан подошёл к местному кабачку и, открыв дверь, вошёл, подзвав и нас. Это было классическое пристанище для уголовного элемента, я таких людей вижу издалека. Вот в центре сидят картёжники, похоже, играют довольно долго. Мы сели за столик, и после того, как Золтан принёс немного еды, я раскрыл чемоданчик.

Виктор похлопал меня по плечу и, так и не доев свой ужин, метнулся к игрокам. Лениво оглядев картёжников, Виктор стал болтать с одним из посетителей. Золтан, тем временем, обстоятельно рассказывал об этом трактире. Публика здесь была исключительно пёстрой – от уголовников до внешне приличных людей. Например, среди картёжников были и люди,

занимающие весьма высокие посты. Представляю, как бы сейчас на это реагировал Виктор. Уж шулер за версту чует прибыль. Тем временем, банкомёт объявил:

– Господа мы играем уже довольно долгое время. Предлагаю сделать перерыв и отдохнуть.

Игроки согласились и в скором времени стол практически опустел. Я же их праздного любопытства решил посмотреть их «пулю». Но Виктор меня опередил. Он всяко больше меня смыслил в игорном деле.

– Та-ак, тучный мужик в очках в большом проигрыше. А вот лохматый юнец напротив – выигрывает чаще остальных.

– Это Алекс, – подал голос Золтан. – Студент-медик. Знатный скандалист – дня не проходит у него без конфликтов. Покуда трезвый, ещё куда ни шло, но как напьётся – держите его семеро.

– Ловкач, – зацокал языком Виктор, после чего буквально подтащил нас к себе. – Знаете, я видел, как он мухлюет. Он видит карты соперников. Что будет, если я попрошу любого из них сесть на его место?

– Бить его будут, – с усмешкой сказал я. – А ему не привыкать.

Виктор, тем временем, поймал Алекса у барной стойки и, учтиво пожав ему руку, затеял непринуждённый разговор, оперируя уменьшительно-ласкательными словами. Именно так обычно начинают свой разговор вымогатели и шантажисты. И Виктор не стал медлить.

– А знаешь, Алекс, я тут заметил, что сегодня ты хорошо своих соперников обчистил. Молодец, тебе очень везёт, дружок... Очень. Только вот что делать, если вдруг ваши соперники спросят, почему ты сегодня такой удачливый?

– Позвольте... – начал было Алекс, но Виктор быстро его осадил:

– Чего это ты сразу на дыбы, дружок? Я в этом деле собаку съел, и скажу по совести: твой способ стар, как мир. Сейчас игроки вернуться за стол, а я попрошу вас пересесть на место банкомёта, а любого из твоих соперников – на твоё место. То-то они удивятся законам физики – это ж как удачно свет падает, и как отражаются карты. Ещё когда я на деньги не играл, меня за мухлёж просто лупили. А с тебя так шкуру спустят.

Алекс мгновенно побледнел. Руки его затряслись, а на лбу выступил пот. Перспектива его откровенно удручала. Что сейчас потребует за молчание заезжий шулер? Денег? Каких-то услуг? Викто будто читал мысли и, обмякнув на стуле, томно проговорил:

– Поделись выигрышем, и тайна волшебного зеркала останется между нами.

Но я чувствовал, что Алекс может нам ещё пригодиться. Немудрено такому скандалисту угодить в участок, а значит, он может знать кого-то из легавых.

– И ещё, Алекс, – тут уже в разговор вступил Золтан. – Скажи, фамилия Надь тебе о чём-то говорит? Знаешь легавого с такой фамилией?

– До сих пор помню эту рожу, – без удовольствия ответил студент. – Случалось, буянил много после выпивки, так меня быстро полиция хватала. Как-то в гостях тоже напился, ну побил зеркал немного, другу своему нос сломал. Мои-то уже обо всём договорились, ну примирение сторон, какие претензии? Но он поднял некоторые старые дела, все мои прошлые «подвиги»... Выходило где-то года на полтора-два. А он открыто говорит мне, мол прибавь чутка к залогам, и дело закрыто. Взятку вымогал, скотина! А что мне оставалось делать?

Всё сходится! Что ж, теперь нам предстоит «поговорить по душам» с немного оборзевшим легавым.

Два дня мы повсюду следили за детективом Надем. Золтан предлагал ворваться в его квартиру внезапно, чтобы сразу сработал фактор испуга. Мы с Виктором возражали – можно попасть в засаду. Тогда наша сестра лишится последнего шанса на спасение.

Наконец, мы тщательно продумали план нападения. Каждому была назначена определенная роль и место, где ожидать. Я слонялся по двору с небольшим чемоданчиком в руке,

поглядывая на часы, как человек, который ждёт свою девушку или приятеля. Золтан зарядил наган и затаился за сараями в углу двора, а Виктор расположился на углу. Примерно в половине девятого раздался свист – это Виктор сообщил, что наш клиент приближается.

Как было условлено, я подошёл к входу в подъезд. Во дворе показался детектив Надь. Он вошёл в подъезд, не обратив на меня внимания. Я бесшумно последовал за ним, сохраняя небольшую дистанцию. Ничего не подозревая, Надь отпер дверь своей квартиры, и уже шагнул через порог, как в висок его уткнулась холодная сталь нагана.

– Здравствуйте, господин сыщик, – насмешливо произнёс Золтан, и ловко заломил Надю руку за спину. – Извините, что я без приглашительного билета. Но уж так хотелось вас повидать!

– Чего вам надо? – вскрикнул детектив.

Но Золтан крепким пинком заставил его умолкнуть. Тут и мы с Виктором вошли внутрь. Я запер входную дверь на замок.

– Давай без глупостей, – приказал Золтан, – а то мы тебе живо шкурку подпортим!

Продолжая заламывать руки детектива за спину, Золтан заволок его в гостиную и заставил сесть на стул. Мы с ним вдвоём прикрутили Надя верёвкой к спинке стула. В это время Виктор зажёл свет, и это вмиг вывело нашу жертву из оцепенения. Легавый завопил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.